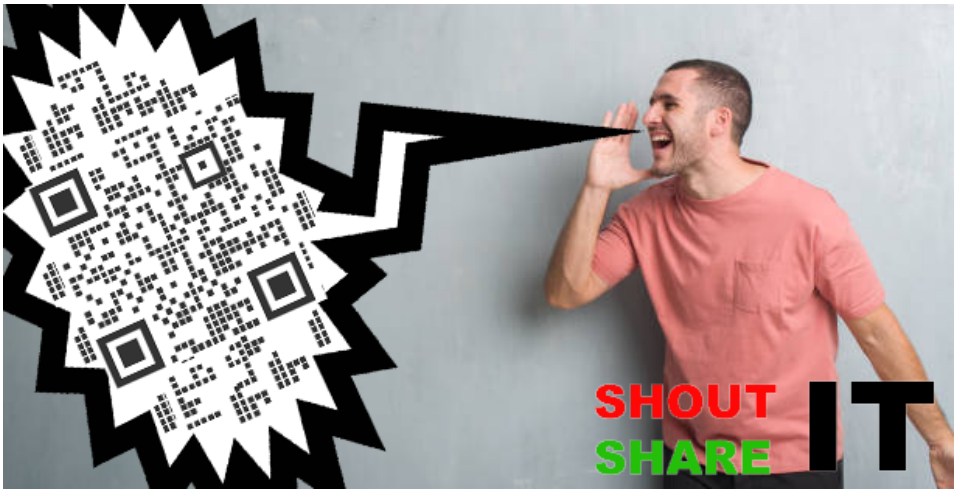
И ИМЯ ЕМУ – СМЕРТЬ

999

ИМЯ ЗВЕРЯ

СТИВЕН КИНГ
УИЛЬЯМ БЛЭТТИ
БЕНТЛИ ЛИТТЛ и другие


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Во времена Великой Депресии в одном городке Восточного Техаса начали происходить убийства. Сперва убивали цветных женщин, но затем начали убивать и белых женщин. Население города было в панике, подозревали, что убивает какой-нибудь негр, а дети городского констебля считали, что убивает Козлоног-наполовину козел, наполовину человек, которого они видели в лесу.

© Pupsjara

- Джо Р. Лансдейл

Джо Р. Лансдейл
Лето бешеного пса

Новости, в отличие от слухов, не путешествовали так, как сейчас. Тогда. Без радио или газет. В Восточном Техасе. Тогда было по-другому. Что произошло в другой стране, часто там и оставалось.

Мировые новости — это было только вот то, что важно для всех нас. Нам не надо было знать ужасов, которые не касались нас, в Билджуотере, штат Орегон, или даже за границей штата в Эль-Пасо, или в северную сторону в забытом богом Амарилло.

Все, что нам теперь нужно знать, — яркие детали какого-нибудь убийства, из-за которого оно ужасно, а иначе это медленные еженедельные новости. И так повсюду, даже если убили какого-нибудь продавца бакалейной лавки в штате Мэн, который нас ни сном ни духом не касается.

Тогда, в тридцатые, в далеких странах могло случиться убийство, и вы о нем даже не узнали бы, если только оно вас не касается, потому что, как я уже сказал, новости путешествовали тогда медленнее и полиция старалась сама справиться.

С другой стороны, бывали времена, когда было бы лучше, если бы плохие новости расходились быстрее — или вообще расходились. Знай мы в те времена кое-что, быть может, некоторых ужасных переживаний, выпавших на долю моей семьи, удалось бы избежать.

Но что было, то было, и даже теперь, когда мне за восемьдесят, я, валяясь здесь в доме престарелых, в комнате, пропитанной запахом моего разлагающегося тела, ожидая, когда дадут еду, протертую и безвкусную, или еще чего-нибудь ожидая, со штырем в бедренной кости, а по телевизору какое-нибудь ток-шоу, набитое идиотами, я вспоминаю те времена, почти восемьдесят лет назад, и воспоминания так же свежи, как тогда.

Все это случилось в тридцать первом — тридцать втором году.

* * *

Я полагаю, что тогда были люди с деньгами, но мы в их число не входили. Была Великая Депрессия, и даже будь мы из тех, что с деньгами, покупать было бы мало что, если не считать поросят, цыплят, овощей и штапеля, а поскольку первые три продукта мы

выращивали, нам оставался бы только штапель.

Папа малость фермерствовал, держал парикмахерскую, где работал почти все дни, кроме субботы и воскресенья, а еще был городским констеблем.

Мы жили в лесной глуши возле реки Сабин в трехкомнатном белом доме, который отец построил, когда нас еще не было. Крыша текла, электричества не было, дровяная печка дымила, амбар был сбит из досточек, а вокруг было полно змей.

Мы пользовались керосиновыми лампами, воду таскали из колодца, а свой стол обогащали охотой и рыбалкой. У нас было четыре акра сведенного леса и еще двадцать пять акров строевого леса и сосны. Фермерствовать и очищать наши четыре акра нам помогал мул по кличке Салли Редбэк. Была у нас машина, но папа ею пользовался только по своим констебльским делам и для воскресных поездок в церковь. Остальное время мы ходили пешком, или мы с сестрой ездили верхом на Салли Редбэк.

Принадлежащий нам лес и сотни акров его вокруг нашей земли кишели дичью, мошкой и клещами. В те времена в Восточном Техасе еще не весь строевой лес повырубили, и не все участки леса кому-нибудь принадлежали. Были еще мощные деревья, и много, были глухие места в лесу и вдоль реки, куда забредали только звери.

Там водились дикие кабаны, кролики, еноты, опоссумы, броненосцы, всех видов птицы и полчища змей. Иногда можно было заметить этих чертовых водяных щитомордников, плывущих косяком по реке, и злобные морды покачиваются, как наросты на бревнах. Горе тому несчастному, кто попадет между ними, и благослови господь сердце того дурака, который верит, что если пронырнуть под ними, то ничего не будет, потому что щитомордники не могут кусаться под водой. Они не только могли, но и кусались.

И олени тоже в лесах бродили. Может, меньше, чем сейчас, когда их выращивают, как посевы, и собирают жатву на трехдневной пьянке у водопоя с помощью снайперских винтовок. Олени, которых кормят кукурузой и приучают ласкаться, как собачек, так что по ним стреляют, как в тире, и еще считают себя охотниками. Им дороже выходит застрелить оленя, привезти его труп и повесить голову на стену, чем сходить в магазин и купить столько же по весу бифштекса. Еще они любят после убоя вымазать лицо кровью и так сфотографироваться, будто считают себя воинами после этого.

Ладно, а то меня занесло в проповедь. Я рассказывал, как мы жили. И говорил, что вокруг было полно дичи. А еще там был Козлоног. Наполовину козел, наполовину человек, и он любил

болтаться возле места, которое мы называли «висячий мост». Я его никогда не видел, но иногда, по вечерам, охотясь на опоссума, кажется, его слышал. Он выл и стонал возле тросового моста, который нахально висел над рекой, качаясь на ветру в лунном свете, и лучи играли на металлических тросах, будто феи пляшут на канате.

Считалось, что он крадет скотину и детей, и хотя я не знал никого из детей, кого съели бы, кое-кто из фермеров говорил, что Козлоног крадет у них живность, и кое-кто из знакомых ребятишек клялся, что у них кого-нибудь из двоюродных унес Козлоног, и больше их не видели.

Говорили, что он не заходит дальше главной дороги, потому что там регулярно пешком и на машинах разъезжают баптистские проповедники и молятся, а потому дорога освященная. Говорили, что он не выходит из лесов, выстилающих дно долины Сабина. Не выносит возвышенностей. Ему нужно, чтобы под ногами была влажная толстая лиственная подстилка, а ноги у него с копытами.

Папа говорил, что никакого Козлонога на свете нет. Это бабьи сказки, которые по всему Югу бродят. Он говорил, что я слышал только крики зверей и шум воды, но я вам скажу: от таких звуков мороз пробирал по коже, и они были похожи на крик раненой козы. Мистер Сесил Чэмберс, который вместе с папой работал в парикмахерской, говорил, что это могла быть пантера. Они, говорил он, иногда появляются в лесной глуши, а вопит она, как женщина.

Мы с моей сестрой Томом — вообще-то она была Томазина, но мы ее все называли Томом — бродили в лесу с утра до вечера. У нас была собака Тоби, помесь гончей с терьером и еще чем-то.

Тоби был настоящий подружейный сукин сын. Но однажды летом тысяча девятьсот тридцать первого года, когда он облаивал загнанную им на дуб белку, гнилая ветка на этом дубе подломилась и стукнула его так, что он не мог шевельнуть задними ногами и хвостом. Я отнес его домой на руках. Он скулил, а мы с Томом плакали.

Отец, увидев нас, перестал пахать, снял упряжь с плеч и бросил ее на землю, а Салли Редбэк оставил стоять посреди поля, прицепленную к плугу. Он встретил нас на полдороге, мы поднесли к нему Тоби, положили на мягкую вспаханную землю, и папа на него посмотрел. Он пошевелил ноги пса, попытался выпрямить ему спину, но Тоби только дико завывал при этих попытках.

Рассмотрев все варианты, отец велел мне и Тому взять ружье, отнести бедного Тоби в лес и избавить от мучений.

— Это не то, что я хочу, чтобы вы сделали, — сказал папа. —

Но это то, что надо сделать.

— Да, сэр, — сказал я.

В наши дни это звучит жестоко, но тогда ветеринары в округе были редки, да и если бы мы захотели повезти пса к ветеринару, так денег не было. Да и любой ветеринар сделал бы то же, что предстояло сделать нам.

Что еще было по-другому: о таких вещах, как смерть, ты узнавал совсем молодым. От этого было некуда деться. Ты сам выращивал и резал цыплят и поросят, охотился и рыбачил, так что с ней ты сталкивался регулярно. Вот потому-то, думаю я, мы уважали жизнь больше, чем некоторые теперь, и ненужные страдания не должно было терпеть.

А в таких случаях, как с Тоби, от тебя часто ожидалось, что ты сделаешь дело сам, не перекладывая ответственность. Это не было произнесено вслух, но отлично всеми понималось, что Тоби — наша собака и потому это наше дело. Такие вещи считались частью познания жизни.

Мы поплакали, потом взяли тачку и положили в нее Тоби. У меня уже было с собой мое ружье двадцать второго калибра на белок, но для этого я вошел в дом и сменял его на одноствольный дробовик шестнадцатого калибра, чтобы он уж точно не мучился. Мысль застрелить Тоби в затылок, разметав его череп по всему мирозданию, не та мысль, которая вызвала у меня радостное предвкушение.

Наша там ответственность или чья, а мне было тринадцать, а Тому — всего девять. Я ей сказал, что может остаться дома, но она отказалась. Сказала, что пойдет со мной. Она знала, что кто-нибудь должен мне помочь быть сильным.

Том взяла с собой лопату, чтобы похоронить Тоби, закинула ее на плечо, и мы повезли старину Тоби, он при этом скулил поначалу, но потом затих. Просто лежал в тачке, пока мы его везли, спина у него подергивалась, и он то и дело поднимал голову и нюхал воздух.

Вскоре он стал нюхать сильнее, и мы поняли, что он учуял белку. Тоби всегда, когда чуял белку, поворачивался к тебе, а потом тыкал головой туда, куда хотел идти, и тут же бросался в бег, заливаясь лаем. Папа говорил, что он нам так показывает, откуда запах, пока не скроется из виду. Ну вот, он именно так и повернул голову, и я знал, что мне полагается сделать, но я решил продлить это, дав Тоби последний раз покомандовать.

Мы свернули туда, куда он хотел, и почти сразу оказались на узкой тропе, усыпанной сосновыми иголками, а Тоби лаял как сумасшедший. Кончилось тем, что тачка уткнулась в корень гикори.

На верхних ветвях играли две жирные белки, будто дразнили нас. Я пристрелил обеих и бросил их в тачку к Тоби, и будь я проклят, если он не залаял снова, взяв след.

Тяжелая работа — катить тачку по неровному лесу и усыпанной хвоей и листвой земле, но мы именно это и делали, совсем забыв, что нам полагается сделать с Тоби.

Когда Тоби перестал брать след белок, уже близилась ночь, и мы были глубоко в лесу с шестью подстреленными белками — не хилая добыча — и полностью вымотались.

И с нами был Тоби, несчастный инвалид, и я никогда не видел, чтобы он так хорошо работал по белке. Будто Тоби знал, что должно случиться, и старался оттянуть событие, загоняя белок на дерево.

Мы сели под большим амбровым деревом и оставили Тоби в тачке с белками. Солнечный закатный свет разбивался в ветвях на части, как большой пирог. Тени вокруг нас вставали, как черные люди. Охотничьего фонаря у нас с собой не было. Была только луна, а она еще недостаточно хорошо светила.

— Гарри, — спросила Том, — что будем делать с Тоби?

Я как раз об этом думал.

— Вроде бы ему уже не больно, — сказал я. — И он загнал на дерево шесть белок.

— Ага, — согласилась Том, — но у него спина сломана.

— Это точно.

— Может, мы его здесь спрячем и будем каждый день носить ему еду и воду?

— Вряд ли. Это значит бросить его на милость всякого, кто тут пройдет. Его мошки с клещами заедят заживо.

Об этом я подумал, потому что сам был уже всюду покусан, и я знал, что сегодня буду сам сидеть возле лампы с пинцетом, вытаскивая их отовсюду, купаясь в керосине с последующим полосканием. Летом мы с Томом делали это чуть ли не каждый вечер.

— Темнеет, — сказала Том.

— Знаю.

— Кажется, Тоби уже не так больно.

— С виду ему лучше, — согласился я. — Но все равно у него спина сломана.

— Папа хотел, чтобы мы его пристрелили, чтобы не мучился. По-моему, он сейчас не мучается. Это ведь неправильно — застрелить его, если он не мучается?

Я посмотрел на Тоби. Сейчас он лежал неразличимым комом в тачке, накрытый тьмой. Когда я посмотрел на него, он поднял голову и пару раз стукнул хвостом по деревянному дну тачки.

— Думаю, я не смогу этого сделать. Мы вот что сделаем: отвезем его к папе и покажем, насколько ему лучше. Может, у него спина и сломана, но уже не так болит, как было. Он шевелит головой и даже хвостом, так что тело его не мертво, И его не надо убивать.

— Папа может не согласиться.

— Может, и нет, но не могу я его пристрелить, даже не попытавшись дать шанс. Слушай, он же шесть белок на дерево загнал! Мама обрадуется, когда их увидит. Мы везем его домой.

Мы поднялись, чтобы идти, и туг до нас дошло. Мы заблудились. Увлеклись погоней за белками, бежали, куда показывал Тоби, и зашли глубоко в лес и не узнавали теперь ничего знакомого. Конечно, мы не испугались — по крайней мере в тот момент. В этих лесах мы бродили все время, но сейчас было темно, и это место было нам незнакомо.

Луна чуть поднялась, и я сориентировался по ней.

— Нам сюда, — сказал я. — Так мы выйдем либо к дому, либо к дороге.

Мы тронулись в путь, спотыкаясь на корнях, обломанных сучьях и ветках, натыкаясь на деревья то тачкой, то собственным телом. Вокруг возилась какая-то лесная живность, и я вспомнил, что говорил мистер Чэмберс про пантер, и подумал насчет диких кабанов: а что если мы напоремся на кабана, который ищет желуди, и вспомнил, что мистер Чэмберс еще говорил, что сейчас плохой год по бешенству и много зверей болеют, и от всех этих мыслей так занервничал, что стал нащупывать в кармане патроны. Их оставалось три штуки.

И чем дальше мы шли, тем сильнее становилось вокруг нас движение, и я начал думать, что это держится с нами вровень. Мы замедлялись — оно замедлялось. Мы шли быстрее — оно не отставало. И не так, как это делает зверь, и даже не так, как змея, которая иногда крадется, чтобы напасть. Это было больше змеи. Оно нас скрадывало, как пантера. Или как человек.

Тоби рычал, подняв голову, и шерсть у него на шее стояла дыбом.

Я посмотрел на Тома, и при свете луны, пробивавшемся сквозь ветви, увидел, как она боится. Я знал, что она пришла к тем же выводам, что и я.

Я хотел что-то сказать, крикнуть что-нибудь тому, что было в кустах, но боялся, что это выйдет вроде сигнала, от которого оно на нас нападет.

Раньше я для страховки открыл ружье и положил его в тележку, толкая перед собой его, Тоби и белок. Теперь я остановился, вынул ружье, проверил, что в стволе есть патрон,

закрыл ружье и положил палец на курок.

Тоби начал шуметь всерьез, переходя от рычания к лаю.

Я посмотрел на Тома, и она взяла у меня тачку. Ей, конечно, было трудно катить тачку по мягкой земле, но у меня не было выбора — надо было держать ружье, а бросить Тоби мы не могли — после всего, что он пережил.

То, что шумело в кустах, какое-то время не отставало, потом затихло. Мы набрали скорость и больше его не слышали. И присутствия его больше не ощущали. А раньше было так, будто за нами крадется дьявол.

Наконец я достаточно осмелел, чтобы разломить ружье, положить его в тачку и снова взяться за ручки.

— Что это было? — спросила Том.

— Не знаю, — ответил я.

— Что-то большое.

— Ага.

— Козлоног?

— Папа говорит, что Козлонога на свете нет.

— Да, но иногда ведь он ошибается?

— Вряд ли, — ответил я.

Мы прошли еще немного, нашли сужение реки и переправились, с трудом толкая тачку. Нам не надо было ее пересекать, но здесь было подходящее место, а кто-то или что-то за нами кралось и меня напугало, и я просто хотел оставить побольше расстояния между нами и этим.

Мы шли еще довольно долго и дошли наконец до зарослей, обвивавших деревья и кусты и стоявших колючей стеной. Это была стена диких роз и ежевики. Некоторые побеги были толщиной с колодезную веревку, колючки, как гвозди, а цветы пахли сильно и сладко в ночном воздухе, почти так же сладко, как когда варится сорговый сироп.

Заросли ежевики тянулись во все стороны и окружали нас отовсюду. Мы забрели в лабиринт слишком широкий и глубокий, чтобы его обойти, и слишком высокий и колючий, чтобы перелезать; к тому же колючие стебли переплелись с низкими ветвями и нависали как потолок. Я вспомнил Братца Кролика и терновый куст, но я, в отличие от Братца Кролика, не родился и не вырос в зарослях ежевики, и еще, в отличие от Братца Кролика, не мечтал в этот куст попасть.

Я откопал в кармане спичку, оставшуюся от того случая, когда мы с Томом пытались курить сигареты из кукурузных волос и виноградных лоз. Я зажег спичку о большой палец, посветил ею, увидел широкий проход в ежевике, и не требовалось высшего образования, чтобы углядеть прорезанный в зарослях проход. Я

наклонился, сунул спичку перед собой и понял, что ежевика образовывала что-то вроде туннеля футов шесть в высоту и столько же в ширину. Как далеко он тянется, я не видел, но прилично далеко.

Загасив спичку, пока она не обожгла мне руку, я сказал Тому:

— Можем вернуться назад, а можем пойти по этому туннелю.

Том посмотрела налево, увидела толстые твердые стебли ежевики, а перед нами тоже они стояли стеной.

— Назад возвращаться я не хочу из-за того, что там было. И по туннелю тоже не хочу. Мы там будем, как крысы в трубе.

Может, то, что было сзади, знало, что загонит нас сюда, и ждет нас на другом конце этой ежевичной западни, как папа нам читал про этого — помнишь? Который был наполовину человек, а наполовину корова.

— Наполовину человек, наполовину бык, — поправил я. — Минотавр.

— Ага, минотварь. Может, он там и ждет, Гарри.

Я, конечно, тоже об этом подумал.

— Я думаю, надо идти в туннель. Тогда он ни с одной стороны не сможет к нам подступиться. Ему придется нападать спереди или сзади.

— А других туннелей здесь быть не может?

Об этом я не подумал. Такие просеки могут быть прорезаны в любом месте.

— У меня ружье, — сказал я. — Если сможешь толкать тележку, Тоби нас вроде будет сторожить. Даст знать, если кто-нибудь приблизится. А если что-то на нас бросится, я его развалю пополам.

— Мне ни один твой выбор не нравится.

Я взял ружье, закрыл его и взвел курок. Том взялась за рукояти тачки. Я пошел вперед, Том за мной.

* * *

Запах роз одурял. От него кружилась голова. Кое-где торчали плети с колючками, невидимые в темноте. Они рвали мою старую рубашку, царапали мне лицо и руки. Я слышал, как ругается себе под нос Том, когда ее царапают колючки. Меня радовало, что Тоби молчит — это до некоторой степени успокаивало.

Туннель в ежевике вел нас довольно долго, потом я услышал шум, туннель стал шире, и мы вышли на берег ревущего Сабина. Среди нависших деревьев появились просветы, лунный свет стал ярче и освещал все желто и густо, как цвет скисшего молока. Что

там нас преследовало — не было ни видно, ни слышно.

Я минуту смотрел на луну, потом повернулся к реке.

— Мы сбились с дороги, — сказал я. — Но теперь я знаю, как быть дальше. Можно пройти по реке, но она сильно петляет, а я думаю, тут недалеко от висячего моста. Мы его перейдем, выйдем на главную дорогу, а по ней вернемся домой.

— Висячий мост?

— Ну да, — сказал я.

— Как думаешь, мама с папой волнуются? — спросила Том.

— Это можешь не сомневаться. Дай Бог, чтобы они так обрадовались белкам, как я рассчитываю.

— А как будет с Тоби?

— Поживем — увидим.

Берег круто спускался к воде, и вдоль самого уреза шла едва заметная тропа.

— Так я думаю, надо будет снести Тоби и потом скатить тачку. Ты будешь ее толкать, а я пойду впереди и придержу ее снизу.

Я осторожно поднял Тоби, который жалобно взвизгнул, а Том, покачнувшись вперед, толкнула тачку. Тачка, белки, ружье и лопата перевалились через край и упали возле ручья.

— Черт тебя побери, Том!

— Я не виноватая! — пискнула она. — Она у меня вырвалась! Я маме скажу, что ты ругался!

— Только попробуй, я с тебя шкуру спущу. И ты сама всю дорогу ругалась.

Я отдал Тоби Тому подержать, пока я спущусь, найду опору для ног, и тогда она мне его передаст.

Соскользнув с обрыва, я оказался возле большого дуба у самой воды. Стебли ежевики спускались к воде и охватывали дерево. Меня пронесло мимо дерева, я выставил руку, чтобы удержаться, и тут же ее отдернул. Я коснулся не ствола дерева, даже не колючек, а чего-то мягкого.

Поглядев, я увидел в лозах ежевики серую кашу, и светившая через реку луна падала на лицо — или на то, что было лицом, а сейчас больше походило на маску повешенного, распухшее и круглое с черными дырами глазниц. Пучок волос на голове казался клоком темной овечьей шерсти, а тело было распухшим, изломанным и без одежды. Женщина.

Я видал пару игральных карт с голыми женщинами, которые показывал Джейк Стерлинг. У него всегда что-нибудь такое было, поскольку его отец был коммивояжером и торговал не только нюхательным табаком, но и тем, что называл «сопутствующий товар».

Но это было не похоже на те открытки. Те меня волновали каким-то непонятным образом, но радостно и приятно. А это меня взволновало очень понятным образом. Страхом и ужасом.

Ее груди лопнули, как гнилые дыни на солнце. Ежевичные стебли опутали распухшее тело, и кожа была серой, как сигарный пепел. Ноги ее не касались земли. Она была привязана к дереву стеблями ежевики. В лунном свете она была как жирная колдунья, привязанная колючей проволокой к массивному столбу в ожидании костра.

— Боже мой! — сказал я.

— А ты опять ругаешься, — заметила Том.

Я чуть поднялся по обрыву, взял Тоби у Тома, положил его на мягкую землю возле воды и еще раз посмотрел на тело. Том слезла вниз и увидела то, что видел я.

— Это Козлоног? — спросила она.

— Нет, — ответил я. — Это мертвая женщина.

— Она совсем без одежды.

— Том, не смотри на нее.

— Не могу.

— Надо добраться домой и сказать папе.

— Зажги спичку, Гарри. Надо рассмотреть.

Я обдумал это и полез в карман.

— У меня только одна осталась.

— Все равно зажги.

Я зажег спичку и поднял повыше. Пламя заметалось, когда у меня задрожала рука. Подойдя поближе, я всмотрелся. Было еще ужаснее, чем без света.

— Кажется, это цветная женщина, — сказал я.

Спичка погасла. Я поставил тачку на тропу, вытряхнул грязь из дула ружья, положил его, белок и Тоби обратно в тачку. Лопату я найти не смог и решил, что она упала в реку. Это мне дорого обойдется.

— Надо идти, — сказал я.

Том стояла на берегу, пялясь на тело. Не могла глаз оторвать.

— Идем, тебе говорят!

Том оторвалась от зрелища. Мы шли вдоль берега, я толкал эту тачку изо всех своих сил, увязая в мягкой земле, пока не понял, что больше не могу. Тогда я связал ноги белок веревкой, которая нашлась у Тома, и обвязал себе вокруг пояса.

— Том, ты понесешь ружье, а я понесу Тоби.

Том взяла ружье, я подобрал Тоби, и мы двинулись к висячему мосту, где, по слухам, и жил Козлоног.

Мы с друзьями обычно держались подальше от висячего

моста — все мы, кроме Джейка. Джейк ничего не боялся. Ну, надо сказать, ума у него было маловато, чтобы чего-то бояться. Что он, что его старик — отрежь им головы, они не стали бы намного глупее.

Джейк говорил, что все рассказы насчет висячего моста придумали родители, чтобы мы туда не лезли, потому что там опасно. Может быть, это было правдой.

Мост представлял собой несколько тросов, перекинутых через Сабин с берега на берег на высоком месте. К тросам крепились ржавыми металлическими зажимами и гнилыми веревками длинные доски перекладин. Не знаю, кто его строил, и, быть может, когда-то это был отличный мост, но теперь многих досок недоставало, а другие сгнили и потрескались, а тросы были закреплены на высоких берегах ржавыми рельсами, глубоко вкопанными в землю. Местами, там, где вода подмывала берег, рельсы выглядывали из земли. Пройдет достаточно времени, и весь мост рухнет в реку.

Когда дул ветер, мост качался, а в сильный ветер это было что-то. Я его переходил только один раз, днем, в полном безветрии, и то было достаточно страшно. На каждом шаге он пружинил, угрожая сбросить тебя в воду. Доски трещали и стонали, как от боли. Иногда отделялся кусок гнилого дерева и падал в воду. Надо только еще добавить, что внизу было глубоко, течение здесь ускорялось, потом разбивалось о камни и падало с уступов в широкую и глубокую воду.

И вот мы стоим здесь ночью, смотрим на длинный мост, думаем про Козлонога, про найденное нами тело, про Тоби, про то, — что уже поздно и что родители волнуются.

— Надо переходить, Гарри? — спросила Том.

— Ага, — ответил я. — Думаю, да. Я пойду вперед, а ты смотри, куда я шагаю. Если доска меня выдержит, должна выдержать и тебя.

Мост поскрипывал сквозь рев реки, покачиваясь на тросах как змея, переползающая через высокую траву.

Трудно было его переходить даже тогда, когда я мог держаться за тросы двумя руками, но нести Тоби, и ночью, и Том со мной, и она еще пытается нести ружье… Да, дело не выглядело заманчивым.

А какой другой выбор? Вернуться назад по той дороге, по которой пришли, или попробовать пройти ниже по реке, где она мелеет, перейти там и вернуться к дороге и к нашему дому! Но мелеет река только через несколько миль, а по лесу идти трудно, а Тоби тяжел, и там сзади что-то за нами гонится. Я не видел другого пути — только через мост.

* * *

Я сделал глубокий вдох, ухватил Тоби покрепче и шагнул на первую перекладину.

Мост сразу сильно качнулся влево, потом обратно — еще сильнее. В руках у меня был Тоби, и потому я мог только согнуть колени и попытаться поймать качания. Качающийся мост успокаивался долго, и я сделал следующий шаг — уже осторожнее. На этот раз он качнулся не так сильно. Я вроде поймал ритм шагов, и позвал Тома:

— Наступать надо на середину перекладины. Тогда качается не так сильно.

— Гарри, я боюсь!

— Ничего страшного, — сказал я. — Переберемся.

Я наступил на очередную перекладину, она треснула. Я успел отдернуть ногу. Кусок доски отвалился и медленно полетел в реку. Упал с сильным всплеском, течение подхватило его, он блеснул в лунном свете, и его унесло прочь. Он закружился в черной воде, перевалился через водопадик и скрылся из виду.

А я стоял и чувствовал, будто у меня дно от живота отвалилось. Потом сжал покрепче Тоби и переступил через провалившуюся перекладину на следующую. Мне это удалось, но мост затрясся, и я услышал, как вскрикнула Том. Обернувшись, я увидел, что она выпустила ружье и вцепилась в трос. Ружье упало вниз и повисло между двумя нижними тросами. Мост дико качался, бросая меня то на тросы, то от них, и я уже решил, что не миновать мне падения.

Когда мост успокоился, я опустился на колено, повернулся и посмотрел на Тома.

— Легче, — сказал я.

— Не могу отпустить руки, боюсь!

— Должна отпустить. И ружье должна подобрать.

Много времени прошло, пока Том наконец смогла нагнуться и подобрать ружье. Чуть отдышавшись, мы пошли дальше. Вот тогда мы и услышали этот шум внизу и увидели эту тварь в тени.

Она шла вдоль берега по той стороне, рядом с водой, под мостом. Ее трудно было рассмотреть как следует, потому что она держалась тени, не выходя на свет луны. Голова у нее была большая, и что-то было вроде рогов, а остальное все было темным, как угольная кладовая. Она чуть подалась вперед, будто рассматривая нас, и я увидел белки глаз и меловые зубы, сверкнувшие при луне.

— Боже мой, Гарри! — шепнула Том. — Это Козлоног! Что нам делать?

Я подумал насчет вернуться. Тогда нас будет от него отделять река, но снова придется идти через лес, и не одну милю. А если он где-нибудь переберется, то снова за нами погонится, потому что теперь я был уверен — это он преследовал нас в ежевике.

Если же мы перейдем мост, мы окажемся над ним на высоком берегу, и до дороги будет близко. Здесь его укрытие. Он заперт здесь между лесами и берегами Сабина, потому что проповедники закрыли ему выход к дороге.

— Надо идти вперед, — сказал я.

Еще раз посмотрев на белизну глаз и зубов, я стал двигаться дальше. Мост качался, но теперь у меня были более веские причины идти, и у Тома тоже.

Когда мы приблизились к той стороне, я глянул вниз, но Козлонога больше не видел. То ли смотрел не под тем углом, то ли он скрылся. И все мне думалось, что, когда я доберусь до другой стороны, он уже будет ждать, взобравшись наверх.

Но когда мы перебрались, увидели только тропу, пересекавшую густой лес, озаренный луной. И на ней — никого.

Мы пошли по тропе. Тоби был тяжел, и я старался не слишком его трясти, но так был напуган, что вряд ли с этим справлялся. Он время от времени поскуливал.

Когда мы прошли уже прилично, тропа свернула в тень, где ветви деревьев вытягивались и скрывали землю от лунного света, будто обнимая ее тьмой.

— Я так думаю, если он хочет напасть, — сказал я, — то здесь самое место.

— Так давай туда не пойдем.

— Ты хочешь вернуться обратно через мост?

— Ой, нет!

— Тогда вперед. Мы даже не знаем, идет он за нами или нет.

— Ты видел у него на голове рога?

— Что-то видел. Знаешь, что сделаем? Поменяемся. Пока не выйдем снова на открытую тропу, ты понесешь Тоби, а я — ружье.

— Мне с ружьем лучше.

— Это да, но я могу из него выстрелить, чтобы оно не свалило меня отдачей. И у меня есть патроны.

Том подумала и сказала:

— Ладно.

Она положила ружье на землю, и я дал ей Тоби. Потом подобрал ружье, и мы пошли по темному закруглению тропы.

Днем я много раз ходил по этой тропе. До самого моста, но, кроме того одного раза, я никогда через этот мост не ходил. И ночью в лесу я тоже бывал, но никогда так далеко, и обычно с папой.

Когда мы углубились по тропе в тень, никто на нас не прыгнул, но, приближаясь вновь к освещенному месту, мы услышали в лесу какое-то движение. То же самое, которое слышалось в зарослях ежевики. Рассчитанное. Идущее точно за нами.

Выйдя наконец на освещенную тропу, мы стали бояться меньше. Разумной причины для этого не было — просто ощущение. Лунный свет ничего не менял. Я оглянулся через плечо в только что пройденную нами темноту, и посередине тропы, в тени, увидел его. Он стоял и смотрел.

Тому я этого не сообщил, только сказал:

— Теперь возьми ружье, а я возьму Тоби. А потом беги со всех ног туда, где дорога.

Том тупицей не была, и меня, наверное, выдали глаза, так что она повернулась и оглянулась на тень. И тоже увидела его. Он уходил в чащу. Она повернулась и отдала мне Тоби, взяла ружье и рванула вперед, как молния. Я побежал за ней, тряся беднягу Тоби, белки хлопали меня сзади по ногам. Тоби визжал, выл и скулил. Тропа стала шире, лунный свет — ярче, показалась красная глина дороги, мы выбежали на нее и оглянулись.

Никто за нами не гнался. И движения в лесу слышно не было.

— Все в порядке? — спросила Том.

— Я так думаю. Говорят, он на дорогу выходить не может.

— А что, если может?

— Да нет, не может… в общем, я так думаю.

— Это он убил ту женщину.

— Думаю, да.

— А почему у нее такой вид?

— Иногда мертвые так распухают.

— А как он ее так изрезал? Рогами?

— Не знаю, Том.

Мы пошли по дороге — шли очень долго, — с привалами для отдыха, а еще мы помогали Тоби справить свои дела, придерживая ему ноги и хвост. Пришли мы домой уже глубокой ночью.

* * *

Нельзя сказать, что это была идеальная картина счастливого возвращения. Небо заволокло тучами, луны больше не было. Слышался стрекот цикад и кваканье лягушек где-то в низинах. Когда мы вошли во двор с Тоби на руках, папа окликнул нас, и вспугнутая сова взлетела с дуба, мелькнув черным силуэтом на

фоне светлеющего неба.

— Надо бы с вас шкуру спустить, — сказал папа.

— Да, сэр, — ответил я.

Отец сидел во дворе под дубом. Этот дуб был что-то вроде нашего дерева собраний, где мы летом сидели, разговаривали и лущили горох. Отец сидел и курил трубку — привычка, которая его потом и убила. Трубка разгорелась, когда он затянул в нее пламя поднесенной спички. Запах трубки показался мне деревянным и кислым.

Мы подошли и остановились под дубом перед его креслом.

— Мать с ума сходит, — сказал отец. — Гарри, ты знаешь, что нельзя так поздно шататься, да еще с сестрой. Тебе полагается о ней заботиться.

— Да, сэр.

— Я вижу, Тоби все еще с вами.

— Да, сэр. Мне кажется, ему лучше.

— Не бывает лучше, если спина сломана.

— Он загнал шесть белок, — сказал я. Вынув карманный нож, я срезал их с пояса и подал отцу. Он в темноте взял их и положил рядом с креслом.

— У тебя есть оправдание, — сказал он, и это был вопрос.

— Да, сэр.

— Тогда ладно. Том, ты сейчас пойдешь в дом и начнешь носить воду в лохань. Она теплая, так что греть ее не надо. Ты вымоешься, после этого керосином уничтожишь все, что на тебя наползло, прополощешься — и в кровать.

— Да, сэр, — ответила она. — Только, папа…

— В дом, — велел отец.

Том поглядела на меня, положила ружье на землю и направилась в дом.

Отец пыхнул трубкой.

— Ты сказал, что у тебя есть оправдание.

— Да, сэр. Нам пришлось пострелять белок, но это не все. Там у реки тело.

— Что? — Он привстал в кресле.

Я ему рассказал все, как было. Как за нами что-то гналось, про ежевику, тело, Козлонога. Когда я договорил, отец сказал:

— Никакого Козлонога нет, Гарри. Но тот, кого ты видел — возможно, это убийца. Если будете так бродить, это можешь оказаться ты или Том.

— Да, сэр.

— Надо будет пойти посмотреть с утра пораньше. Как ты думаешь, найдешь ты это место?

— Да, сэр, но мне не хотелось бы.

— Знаю, но мне понадобится твоя помощь. Теперь иди домой, и когда Том закончит, вымойся и собери с себя клещей — их на тебе должно быть полно. Дай мне ружье, и я сделаю с Тоби то, что надо.

— Я попытался что-то сказать, но не знал что. Отец поднялся, взял Тоби на руки, и я дал ему ружье.

— Чертовски не повезло хорошему псу, — сказал он.

Отец направился к сарайчику, который у нас стоял за домом возле поля.

— Папа, — сказал я. — Не мог я. Тоби — не мог.

— Ничего, сын, — сказал он и пошел к сараю.

Когда я вошел в дом, Том сидела на заднем крыльце в лохани и мама при свете висящей на балке керосиновой лампы свирепо ее оттирала. Когда я подошел, мама, не вставая с колен, обернулась ко мне через плечо. Светлые волосы ее были собраны в пучок, и выбившаяся прядь падала на лоб, закрывая глаз. Мама отвела ее в сторону мыльной рукой.

— Нечего было шататься так поздно, да еще пугать Тома рассказами про мертвое тело!

— Это не рассказ, мама.

И я пересказал ей все то же, но вкратце.

Когда я договорил, она долго молчала.

— А где твой папа?

— Он понес Тоби в сарай. У него спина сломана.

— Да, я слыхала. Жалко.

Я прислушивался, ожидая выстрела из ружья, но прошло пятнадцать минут, а выстрела все не было. Потом я услышал папины шаги, и вскоре он вышел из тени в круг света от лампы с ружьем в руках.

— Не думаю, что его надо убивать, — сказал папа. У меня сердце подпрыгнуло от радости, и я поглядел на Тома, которая пыталась выглянуть из-под рук мамы, мылившей ей голову щелоковым мылом. — Он слегка шевелит задними ногами, поднимает хвост. Может, ты прав, Гарри. Он может поправиться. Кроме того, сынок, я не лучше тебя мог это сделать. Если ему станет хуже или останется так же, то… А пока что он на вашем с Томом попечении. Кормите его и поите, и как-то помогайте ему справить свои дела.

— Да, сэр, — ответил я. — Спасибо, папа!

Папа присел на крыльце, держа на коленях ружье.

— Ты говоришь, это была цветная?

— Да, сэр.

Папа вздохнул.

— Это малость затрудняет дело, — сказал он.

* * *

Наутро я отвел папу туда по дороге до самого моста. Переходить его снова мне не хотелось. Я показал ему место на той стороне вниз по реке, где должно было быть тело.

— Ладно, — сказал папа. — Дальше я найду. Ты иди домой. А того лучше — сходи в город и открой парикмахерскую. Сесил будет гадать, куда я девался.

Я пошел домой, зашел в сарай проведать Тоби. Он ползал на брюхе, дергая задними ногами. Велев Тому за ним присматривать и как следует его кормить, я взял ключ от парикмахерской, оседлал Салли Редбэк и отправился в пятимильный путь до города.

Марвел-Крик был тогда не слишком большим городишком, как и теперь, но тогда там вообще было всего две улицы. Главная и Западная. На Западной находился ряд домов, на Главной — магазин, суд, почта, кабинет доктора, парикмахерская, которой владел мой отец, еще пара контор, а иногда — стадо бродячих свиней старика Криттендона.

Парикмахерская представляла собой однокомнатный белый дом, построенный под двумя старыми дубами. В ней хватало места на одно настоящее парикмахерское кресло и на еще одно обыкновенное с подушкой на сиденье и другой подушкой, привязанной к спинке. Папа стриг в парикмахерском кресле, а другим пользовался Сесил.

Летом дверь всегда была открыта, и от мух защищал только марлевый полог. Мухи любили на нем собираться и висеть гроздьями. Часто задувал горячий ветер.

Когда я подъехал, Сесил сидел на ступенях и читал газету. Я привязал Салли к дубу, пошел открывать дверь, а по дороге дал Сесилу краткое описание событий, сообщив, чем сейчас занят папа.

Сесил выслушал, покачал головой, щелкнул языком, и мы вошли.

Мне нравилось, как пахнет в парикмахерской. Спиртом, дезинфекцией и мазями для волос. На стене за креслом парикмахера в ряд стояли бутылки, и в них были жидкости разных цветов, желтые, красные и синие, которые слегка пахли кокосом.

Вдоль стены у двери стояла длинная скамейка, а перед ней стол с журналами в ярких обложках. Почти во всех были детективные рассказы. Я их читал при первой возможности, а иногда папа мне приносил те, которые истрепались.

Когда не было клиентов, Сесил тоже их читал, сидя на

скамейке с самокруткой во рту, и был похож на персонажа из этих журналов. Крутого, беспечного, умелого.

Сесил был крупным мужчиной, и, как было мне известно из разговоров в городе и косвенно — от папы, дамы находили его красивым. Копна ухоженных рыжеватых волос, яркие глаза и приятное лицо с чуть нависшими бровями. Он приехал в Марвел-Крик месяца два назад. Папа, поняв, что он может стать конкурентом, поставил для него еще одно кресло и выделил процент.

С тех пор папа вроде как жалел об этом. Не то чтобы Сесил был плохим работником, и не то чтобы папа его недолюбливал. Дело было в том, что Сесил оказался слишком хорош. Он действительно умел стричь, и довольно быстро все больше и больше папиных клиентов стали пропускать очередь, ожидая, чтобы Сесил освободился. Все больше матерей приводили сыновей и ждали, пока Сесил их пострижет, поболтает с ними, ущипнет малыша за щеку и рассмешит его. Вот такой был Сесил. Он мог за минуту подружиться с кем угодно.

Хотя папа никогда не сознался бы, это его злило, заставляло слегка завидовать. И еще имел место факт, что когда мама приходила в парикмахерскую, она всегда смущалась под взглядом Сесила, краснела. И смеялась, когда он говорил что-нибудь, даже не смешное.

Сесил несколько раз стриг и меня, когда папа был занят, и, правду сказать, это впечатляло. Сесил любил поговорить и рассказывал разные истории о местах, где он бывал. По всем Соединенным Штатам, по всему миру. Он воевал в Первую мировую, видел самые страшные сражения. Но помимо самого факта, об этом он мало что рассказывал. Кажется, ему это было больно. Однажды он мне показал французскую монету, которую носил на шее на цепочке. Она была зазубрена от попадания пули. Она тогда была у него в кармане рубашки, и Сесил говорил, что она спасла ему жизнь.

Но если про войну он молчал, то насчет всего остального он был просто болтун. Поддразнивал меня насчет девчонок — с точки зрения папы, слишком рискованно, и папа кидал на Сесила недовольный взгляд, и я видел их обоих в зеркале над скамейкой — в которое клиент смотрит, пока парикмахер стрижет. Сесил перехватывал взгляд, подмигивал папе и менял тему. Но как-то снова подходил к ней близко, неподдельно интересуясь любой подружкой, которая у меня может быть, хотя на самом деле у меня ни одной не было. От этого у меня было чувство, будто я взрослею, принимаю участие в ритуалах и рассуждениях мужчин.

Том его тоже любила и иногда приходила в парикмахерскую

просто послушать, как он будет ее развлекать и поддразнивать. Он любил сажать ее к себе на колено и рассказывать истории обо всем на свете, а были ли они Тому интересны — не знаю, но ей был интересен Сесил, который с ней и со мной обращался, как беспутный дядюшка.

Но что куда более было интересно в Сесиле — это как он умел стричь. Ножницы были будто продолжением его руки. Они мелькали, щелкали, поворачивались и отрезали при легчайшем повороте запястья. Когда я сидел в его кресле, вокруг в солнечных лучах летали ореолом волосы и моя голова становилась скульптурой, превращаясь из нечесаной массы в произведение искусства. Сесил никогда ни на волос не промахивался, не тыкал тебе в кожу ножницами — чего папа не мог бы о себе сказать, — и когда он заканчивал стричь, когда втирал тебе в кожу ароматное масло и расчесывал волосы, когда он тебя разворачивал, чтобы ты посмотрел в зеркало у себя за спиной, ты уже не был прежним. Я чувствовал, что выгляжу старше, мужественней… Может, даже слегка похожим на этих ребят из журналов.

Когда папа заканчивал работу, причесывал, намазывал мазью и выпускал меня из кресла (он никогда меня не поворачивал посмотреть, как взрослых клиентов), я был все тем же пацаном. Только стриженым.

Поскольку в этот день папы не было, а для меня стрижка была бесплатной, я спросил Сесила, не согласится ли он меня постричь, а когда он это сделал, рукой нанес крем для бритья и прошелся бритвой возле моих ушей, снимая концы волос, которые не поддаются ножницам. Потом он руками нанес масло мне на волосы, втер пальцами в кожу затылка и шеи. Масло было теплое и приятное, и от него захотелось спать.

Не успел я слезть с кресла, как появился старик Нейшн в своем запряженном мулом фургоне, и вошел внутрь со своими двумя ребятами. Мистер Этан Нейшн был крупным мужчиной в рабочем комбинезоне, с кочками волос над ушами и в носу. Его ребята были здоровенными, рыжими его копиями с оттопыренными ушами. Все они жевали табак, имели желтые зубы и плевались, когда говорили. В основном их разговор крутился вокруг ругательств, в это время дня произносимых не часто. Стричься они не приходили никогда. Стриглись сами под горшок. Они просто любили посидеть в креслах и почитать знакомые слова в журналах, а еще — поговорить, как теперь все плохо.

Сесил, хотя и не был им другом, всегда сохранял вежливость, и, как говорил папа, он всегда любил разговаривать, даже если разговор этот с дьяволом.

Когда старик Нейшн сел, Сесил сказал:

— Гарри говорит, что произошло убийство.

Как будто он был горд распространить такую новость, но поскольку я сам поторопился ему рассказать и сам рвался выложить новости, я не мог его за это упрекнуть.

Когда слово было сказано, мне ничего не оставалось, как выложить все как есть. Ну, почти все. Почему-то я промолчал про Козлонога. Не знаю почему, но промолчал.

Когда я все рассказал, мистер Нейшн произнес:

— Оттого, что одной ниггерской шлюхой стало меньше, мир не перевернется. Был бы я в низинах, набрел бы на одну из этих баб с войлоком на голове… Не знаю, может, мне бы и самому захотелось ее сделать. Плодятся, как вши. Мечут ублюдков, как мы срем. Только, может, я бы сначала заставил ее поработать. Ну, понимаете. В том смысле, что ниггеры-то они ниггеры, но на пять минут важно только; что внутри они розовые.

Его ребята заухмылялись. Сесил сказал:

— Поаккуратнее выражайтесь, — и кивнул в мою сторону.

— Извини, сынок, — сказал мистер Нейшн. — Твой па в этом копается сейчас?

— Да, сэр, — ответил я.

— Да, его это небось расстроило. Он всегда за ниггеров беспокоится. А это просто гуталины друг друга мочат, пацан, и нам надо на них плюнуть. Пусть мочат, тогда нам меньше работы будет.

В этот момент что-то для меня изменилось. Я никогда не думал о личных убеждениях отца, но вдруг мне открылось, что они совсем другие, чем у мистера Нейшна, и что мистер Нейшн, хотя любит бездельничать у нас в парикмахерской, излагая свои идеи и читая наши журналы, на самом деле папу не любит. И тот факт, что этот человек папу не любит и что у папы совсем другие воззрения, чем у него, вызвал у меня гордость.

В свое обычное время пришел мистер Джонсон, проповедник, и мистер Нейшн, почувствовав себя неловко в его присутствии, запаковал себя и своих ребят в фургон и поехал дальше по дороге докучать кому-нибудь другому. После полудня вернулся папа и, когда Сесил его спросил насчет убийства, посмотрел на меня, и я понял, что надо было держать язык за зубами.

Папа рассказал Сесилу то, что я ему рассказал, и еще немного — что он считает, будто женщина не была принесена высокой водой, а была привязана ежевичными стеблями, как выставлена на витрине. Папа считал, что это сделал убийца.

Той ночью, лежа в кровати, приставив ухо к стене (Том давно уже спала), я слушал. Стены у нас тонкие, и когда было тихо и

спокойно, я мог слышать разговоры мамы с папой.

— Доктор в городе даже смотреть ее не стал, — сказал папа.

— Потому что она цветная?

— Ага. Пришлось ехать в цветной квартал Мишн-Крик к тамошнему доктору.

— Она была в нашей машине?

— Ничего страшного. Когда мне Гарри показал, где она, я вернулся и поехал к дому Билли Голда. Они с братом поехали со мной, помогли мне завернуть ее в брезент, перенесли и положили в машину.

— И что сказал доктор?

— Он думает, что она была изнасилована. Груди разрезаны сверху донизу.

— О Боже мой!

— Ага. И еще кое-что похуже. Доктор не был уверен, но когда он ее всю осмотрел, вскрыл, проверил легкие, он сказал, что ее, может, утопили в реке еще живой, ее унесло течением, а через день примерно — почти наверняка сам убийца — прошел по берегу, нашел ее то ли случайно, то ли намеренно и привязал к дереву ежевикой.

— Кто мог такое сделать?

— Не знаю. Даже понятия не имею.

— А доктор ее знал?

— Нет, но он привез цветного проповедника, мистера Бэйла. Тот ее знал. Звали ее Джельда Мэй Сайкс. Он сказал, что она была местной проституткой. То и дело она приходила к нему в церковь поговорить насчет бросить это дело. Он сказал, что она обретала спасение души примерно раз в месяц, а остальное время его теряла. Работала в негритянской забегаловке выше по реке. Иногда и белого клиента подцепляла.

— Так что никто не догадывается, кто мог это сделать?

— Никому до этого ни малейшего дела нет, Мэрилин. Никому. Среди цветных она мало кому интересна, а белые силы охраны правопорядка быстро дали мне понять, что я вышел за пределы своей юрисдикции. Или, как они это сформулировали: «О своих ниггерах мы заботимся сами». То есть не заботятся о них вообще.

— Если это вне твоей юрисдикции, тебе придется это дело оставить.

— Привезти ее в Мишн-Крик — это было вне моей юрисдикции, а место, где ее нашли, — вполне в моей юрисдикции. Тамошняя полиция считает, что сюда проездом заскочили железнодорожные бродяги, поразвлеклись с нею, сбросили в реку и вспрыгнули на следующий поезд. Может, они и

правы. Но если так, зачем привязывать ее к дереву?

— А не мог это сделать кто-то другой?

— Может быть, но мне сильно не нравится мысль, что в мире есть такая жестокость. А кроме того, я не верю. Я думаю, что ее убил и выставил на обозрение один и тот же человек. Я малость порыскал, пока был в Мишн-Крик. У меня там есть знакомый газетчик, Кэл Филдс.

— Это тот пожилой, у которого жена молодая? Такая горячая красотка?

— Он самый. Хороший мужик. Кстати, жена его сбежала с барабанщиком. А Кэлу все равно. У него уже новая подружка. Но вот то, что он мне рассказал, было интересно. А рассказал он, что это за полтора года третье убийство в округе. Он в газетах о них не писал, главным образом потому что убийства были зверские, но еще и потому, что убивали оба раза цветных, а его читателям на убийство цветных наплевать. Одно случилось здесь в Мишн-Крик. Тело женщины нашли в большой сухой дренажной трубе возле реки. У нее ноги были сломаны, загнуты вверх и привязаны к голове.

— Боже мой!

— Кэл сказал, что о другом до него дошли только слухи. Он дал мне имя редактора газеты для цветных. Я к нему пошел и поговорил — зовут его Макс Грин. Они дали отчет о происшествии. Он мне показал номер с той статьей. Первая была убита, в январе прошлого года, чуть выше по реке от Мишн-Крик. Ее тоже нашли в реке. У нее были вырезаны половые органы и вставлены ей в рот.

— Боже мой! Но ведь между этими убийствами прошли месяцы. Это же не может быть один и тот же человек?

— Надеюсь, что может. Не хочется мне думать, что тут бродят два или три таких. Выставляет тела на обозрение и совершает с ними что-нибудь невыносимо позорное. Думаю, это один и тот же человек. Грин высказал мнение, что убийца любит с ними кончать, топя в реке. Даже та, которую нашли в дренажной трубе, лежала в воде. А полиция тамошняя, наверное, права насчет того, что этот тип ездит по железной дороге. Каждое такое место было возле рельсов, поблизости к полустаночкам с забегаловкой и рабочими девицами. Но это не значит, что это бродяга или вообще человек, который много ездит. Может, он на поездах ездит только на место убийства.

— А что с тем телом, которое нашел Гарри? Кто его взял?

— Никто. Лапонька, я заплатил, чтобы ее там похоронили на цветном кладбище. Я знаю, что денег у нас нет, но…

— Ш-ш! Ты все правильно сделал.

Они затихли, я перекатился на спину и стал смотреть в потолок. Стоило мне закрыть глаза, и я видел тело женщины, разваленное и распухшее, привязанное стеблями и колючками. И видел яркие глаза и белые зубы на темном лице рогатого Козлонога. Вспоминал, как обернулся через плечо и увидел Козлонога, стоящего в тени посередине лесной тропы, глядящего мне вслед.

Наконец в мыслях я добрался до дороги и тогда заснул.

* * *

Через какое-то время наша с Томом жизнь вернулась к норме. Время — оно такое. Особенно в молодости. Оно много что может вылечить; а чего не может, то забывается, или хотя бы отодвигается назад и только иногда всплывает — это вот когда мне время от времени по ночам вспоминалось, как раз перед тем, как заснуть. И наконец все это стало просто давним воспоминанием.

Папа немножко поискал Козлонога, но кроме нескольких следов под берегом и признаков, что кто-то там бродил, ничего не нашел. Но я слышал, как он рассказывал маме про ощущение, будто за ним кто-то следит, и он решил, что этот кто-то знает лес не хуже зверя.

Но необходимость зарабатывать на жизнь отменила все расследования, да и все равно мой папа был следователь никакой. Он был всего лишь констебль маленького городка, доставляющий судебные повестки и выезжающий к мертвым телам с мировым судьей. А если тела цветные, то без мирового судьи. Так что со временем убийство и Козлоног ушли в прошлое.

К осени Тоби уже начал снова ходить. Спина у него оказалась не сломанной, но были поражены нервы конечностей. Полностью он так и не оправился, но ходил, хотя и скованно, лишь по временам по непонятной причине задние ноги у него отнимались, и он их волочил. А вообще он почти все время ходить мог и даже бегал, прихрамывая и не быстро. Зато все равно оставался лучшей собакой по белке в наших местах.

В конце октября, за неделю до Хэллоуина, когда в воздухе стало прохладно, ночи прояснились и подморозились, а луна висела в небе тыквой, мы с Томом заигрались допоздна, гоняясь за светлячками и друг за другом. Папа уехал по своим констебльским делам, мама шила в доме, а когда мы с Томом наигрались, мы сели под деревом и стали болтать о том о сем и вдруг замолкли от ощущения какого-то холода. Не знаю, есть ли

вообще у человека такое чувство. Может быть, просто какие-то мелочи, которые замечаешь, не осознавая. Что-то, услышанное за словами разговора. Но на самом деле это было то чувство, о котором говорил папа, — чувство, будто за тобой следят.

Я перестал слушать, что говорила Том, которая о чем-то тараторила, и медленно повернулся к лесу, а там, между двумя деревьями, в тени, но четко очерченная светом, стояла, глядя на нас, рогатая фигура.

Том, заметив, что я не слушаю, обиделась:

— Эй…

— Том, — сказал я ей, — помолчи минутку и посмотри, куда я смотрю.

— Я ничего не… — Тут она затихла, и потом прошептала: — Это он… Козлоног.

Тень резко повернулась, хрустнула сухая ветка, зашуршали листья, и она исчезла. Ни папе, ни маме мы не сказали, что видели. Это было между Томом и мной, и на следующий день мы вряд ли об этом вспомнили.

Через неделю была убита Джейнис Джейн Уиллмен.

* * *

Мы услышали об этом в ночь Хеллоуина. В городе была небольшая вечеринка для детей и всех, кто захочет прийти. Приглашения не рассылались. Каждый год подразумевалось, что вечеринка будет и можешь туда заявиться. Женщины приносили тарелки под крышкой, а мужчины — малость самогона, чтобы добавить себе в питье.

Вечеринка была у миссис Канертон. Она была вдова и держала у себя дома книги, как вроде в библиотеке. Нам разрешалось брать их на время, или можно было сидеть и читать у нее в доме, и у нее всегда бывали печенье или лимонад, и она не была против выслушивать наши рассказы и проблемы. Она была женщиной с милым лицом и большой грудью, и многие мужчины города находили ее привлекательной.

Каждый год в Хэллоуин она устраивала небольшую вечеринку для детей. Яблоки, тыквенный пирог — все, что полагается. Каждый, кто мог себе позволить пожертвовать наволочкой, делал себе костюм привидения. Кое-кто из старших ребят ускользал на Западную улицу намылить окна, вот и весь Хэллоуин. Но в те времена это было чудесно.

Папа отвез нас на вечеринку. Был прекрасный прохладный вечер, летала масса светлячков и трещали сверчки, а мы с Томом

вступили в игру в прятки, и пока тот, кому выпало водить, считал, мы разбежались прятаться. Я заполз под дом миссис Канертон, под переднюю веранду. И не успел я устроиться, как ко мне залезла Том.

— Эй! — прошипел я. — Сама найди себе место!

— Я же не знала, что ты здесь! И уже поздно бежать.

— Тогда сиди тихо, — сказал я.

Сидя там, мы увидели, как к ступеням веранды идут ботинки и брюки. Это были мужчины, которые до того стояли и курили во дворе. На крыльцо они собрались поговорить. Я узнал папины ботинки, и над нами на веранде началось какое-то движение, скрип кресел, а потом я услышал голос Сесила:

— Давно она мертва?

— Я так думаю, где-то с неделю, — ответил папа.

— А кто она? Мы ее знаем?

— Проститутка, — сказал папа. — Джейнис Джейн Уиллмен. Околачивается около дорожных забегаловок возле Мишн-Крик. Подцепила не того клиента и оказалась в реке.

— Утонула? — спросил кто-то еще.

— Полагаю, да. Но перед этим помучилась.

— Ты знаешь, кто это сделал? — спросил Сесил. — Ниточки есть?

— Да нет, по-настоящему нет ничего.

— Ниггеры! — Этот голос я знал. Старик Нейшн. Он выныривал всюду, где давали еду или где возможна выпивка, и никогда сам ничего не приносил. — Коль ниггеры найдут в низине белую женщину, они ее используют.

— Ага, — возразил другой голос. — А чего это белая женщина будет там околачиваться?

— Да небось он ее и притащил, — сказал мистер Нейшн. — Ниггер прихватит белую женщину при первом случае. Вот ты, если бы был ниггером, разве бы так не сделал? Что у тебя дома есть? Ниггерская баба. Не, белая женщина — это для них первое дело. А потом, ежели ты ниггер и такое с ней сделал, тебе придется ее убить, чтобы никто не знал. Да вообще уважающая себя белая женщина после такого жить не захочет.

— Хватит! — сказал папа.

— Ты мне грозишь, что ли? — спросил мистер Нейшн.

— Я говорю, хватит этих разговоров, — ответил папа. — Убийца может быть и белым, и черным.

— А окажется ниггером, — сказал мистер Нейшн. — Помянешь мое слово.

— Я слышал, у тебя есть подозреваемый, — сказал Сесил.

— На самом деле нет, — ответил папа.

— Какой-то цветной, — продолжал Сесил.

— Я ж так и знал, — сказал Нейшн. — Какой-нибудь проклятый ниггер.

— Я задержал человека для допроса, вот и все.

— И где он? — спросил Нейшн.

— А знаете что? — сказал папа. — Я бы от куска пирога не отказался.

Заскрипело крыльцо, открылась марлевая дверь, и мы услышали уходящие в дом шаги.

— Обожатель ниггерский, — сказал Нейшн.

— Хватит этого! — обрезал его Сесил.

— Это ты мне, парнишка?

— Тебе. И я сказал, хватит.

На веранде началась возня, движение, потом вдруг что-то шмякнуло, и мистер Нейшн полетел на землю прямо перед нами. Мы его видели в щели между ступенями. Он смотрел в нашу сторону, но вряд ли нас видел. Под домом было темно, и он был занят другим. Вскочил он быстро, бросился к ступеням, но тут на веранде снова послышалось движение и папин голос:

— Этан, не поднимайся на веранду. Иди домой.

— Да кто ты такой, чтобы мне указывать?

— Сейчас я констебль, и если ты сюда поднимешься или будешь мне хоть сколько-нибудь надоедать, я тебя арестую.

— Ты — и кто еще?

— Я и только я.

— А его? Он меня ударил. Ты на его стороне, потому что он за тебя!

— Я на его стороне потому что у тебя не пасть, а помойка и ты всем портишь удовольствие. Слишком много ты выпил. Иди домой и проспись, Этан. Давай по-хорошему.

Рука мистера Нейшна спустилась вниз и подобрала шляпу.

— Ты такой высокопотсав… поставленный, да?

— Просто нет смысла драться из-за ерунды, — ответил папа.

— Ладно, ты у меня посмотришь, любитель ниггерский!

— Не приходи больше в парикмахерскую, — сказал папа.

— Ноги моей не будет в твоей помойке, любитель ниггерский!

Мистер Нейшн повернулся и зашагал прочь.

— Сесил, ты слишком много говоришь, — сказал папа.

— Это я знаю, — ответил Сесил.

— Ладно, я хотел пирога, — сменил тему папа. — Войду в дом и попробую еще раз. А когда я вернусь, нельзя ли, чтобы разговор шел о чем-нибудь совсем другом?

— Меня устраивает, — сказал чей-то голос, и снова

послышался звук открываемой двери. Сначала я подумал, что все ушли внутрь, но потом я понял, что папа и Сесил остались на веранде, и папа что-то говорит Сесилу.

— Извини, я не должен был так тебя осаживать.

— Ничего, — ответил Сесил. — Ты был прав. Я слишком много говорю.

— Ладно, забудем.

— Конечно! Кстати, Джейкоб, подозреваемый… ты думаешь, это он?

— Нет, не думаю.

— А ему ничего не грозит?

— Пока нет. Я могу просто его отпустить, и никто и знать не будет, кто это был. Пока что мне с ним помогает Билл Смут.

— Ну ладно, еще раз прости, Джейкоб.

— Все путем. Пошли наконец пирога попробуем.

* * *

Мы ехали на машине домой с набитыми животами — яблоки, пирог, лимонад. Окна были опущены, октябрьский ветер свеж и насыщен запахами леса. Мы ехали по извилистой лесной дороге, ведущей к нашему дому, и меня начало клонить в сон.

Том уже спала, уронив голову на грудь. Я привалился к стенке машины и тоже стал дремать. Потом я услышал, что мама разговаривает с папой.

— У него был ее кошелек? — спрашивала мама.

— Да, и он оттуда деньги вынул.

— Так это, может быть, он?

— Он говорит, что рыбачил, увидел кошелек и плавающее платье и вытащил кошелек удочкой. Увидел там деньги и взял. Он говорит, будто понимал, что кошельки из реки не вылавливают, а на нем не было имени, и всего пять долларов, которые бы все равно пропали. Он говорит, будто даже не думал, что кого-то убили. Так вполне могло быть. Лично я ему верю. Старого Моуза я знаю всю жизнь. Он меня учил рыбу ловить. Сам он вообще чуть ли не живет на реке в лодке. Мухи не обидит. К тому же ему семьдесят лет, и здоровье у него не очень. Жизнь он прожил тяжелую. Жена у него сбежала сорок лет назад, и он так этого и не пережил. Сын у него пропал, когда был подростком. Тот, кто изнасиловал эту женщину, должен быть очень силен. Она была молода, и, судя по виду тела, схватка была нешуточная. У человека, который это сделал, должно было хватить сил, чтобы… в общем, она здорово изрезана. Как и та, другая. Распороты

груди. Рука отрезана у запястья. Мы ее так и не нашли.

— Боже мой!

— Извини, родная. Не хотел тебя расстраивать.

— А как ты нашел кошелек?

— Зашел навестить Моуза. Как всегда, когда бывал на реке. Кошелек лежал у него на столе в хижине. Пришлось его арестовать. Не знаю, надо ли было. Может, надо было просто взять кошелек и сказать, что я его нашел. Понимаешь, я ему верю. Но у меня нет доказательств ни «за», ни «против».

— А раньше Моуз ни в чем не был замешан?

— Когда сбежала его жена, кое-кто думал, что он ее убил. Она много себе позволяла. Таков был слух. Ничего не выяснилось.

— Но могло быть, что он это сделал?

— Наверное, могло быть.

— А что там было с его сыном?

— Парнишку звали Телли. Он был с детства не в себе. Моуз говорит, что потому жена от него и сбежала. Не могла вынести помешанного мальчишку. Парень пропал через четыре или пять лет после этого, и Моуз никогда об этом не говорил. Кое-кто думал, что его он тоже убил, но это тоже только слухи. Белые говорят про черных… так, как говорят. Я лично верю, что жена у него сбежала. Парень был не особо умен, и тоже мог сбежать. Он любил бродить по лесам и у реки. Мог утонуть, мог свалиться в какую-нибудь дыру и не выбраться.

— Но все равно все эти истории Моуза не красят?

— Не красят.

— И что ты будешь делать, Джейкоб?

— Не знаю. Запирать его в суде я опасаюсь. Это ведь не настоящая тюрьма, и разойдись весть, что тут замешан черный, дальше никто особо рассуждать не станет. Я уговорил Билла Смута разрешить мне держать Моуза в его сарае для наживки.

— А Моуз может убежать?

— Вообще-то мог бы. Но у него не то здоровье, родная. И он верит мне, что я расследую это дело и докажу, что он невиновен. Вот оттого я и нервничаю. Я же не знаю как. Думал обратиться в полицию Мишн-Крик, потому что у них опыта больше, но у них, знаешь, тоже эмоциональное отношение. Ходит слух, что тамошний шериф из Клана или был там когда-то. Честно говоря, я не знаю, что делать.

Я снова начал уплывать в сон. И думал про Моуза. Это был старый цветной, который ходил по берегу с тростью. В нем была примесь белой крови. Волосы рыжие, а глаза зеленые, как весенние листья. Обычно он рыбачил с весельной лодки. Жил он в хижине у берега милях в трех от нас. Жил на пойманную рыбу и

подстреленных белок. Иногда, когда у нас бывал удачный день на охоте или на рыбалке, папа заходил к Моузу и давал ему белку или немного рыбы. Моуз всегда был рад нас видеть, или так казалось. Еще год назад я с ним рыбачил, пока Джейк не сказал мне, что так не делают. Нехорошо, чтобы тебя все время видели с ниггером.

Когда я это вспомнил, мне стало стыдно, даже живот свело. Моуз учил еще папу ловить рыбу, и я с ним ходил рыбачить, и вдруг я бросил его только из-за того, что сказал Джейк.

Я снова вспомнил Козлонога. Вспомнил, как он стоял под висячим мостом, глядя на меня вверх из тени. Вспомнил, как он стоял возле дома и смотрел. Это Козлоног убил тех женщин — я это знал. А отвечать за это придется Моузу.

И вот тогда, в машине, овеваемой прохладным октябрьским ветром, у меня и начал вырабатываться план, как найти Козлонога и освободить Моуза. И еще несколько дней после того я его обдумывал и, кажется, набрел на то, что казалось мне хорошей идеей. Наверняка оно таковой не было. Просто понятие тринадцатилетнего мальчишки о плане. Но все это не имело значения. Очень скоро дела повернулись к худшему.

* * *

Был понедельник, и в этот день папа не ходил в парикмахерскую. Он уже поднялся и покормил скотину, и рассвет уже виднелся среди деревьев, и папа позвал меня помочь поднести воду от колодца к дому. Мама в кухне готовила овсянку, бисквиты и жарила шпик на завтрак.

Мы с папой взяли по ведру воды и понесли к дому, когда я вдруг спросил:

— Папа, ты еще не придумал, что будешь делать со старым Моузом?

Он ответил не сразу.

— Откуда ты про это знаешь?

— Я слышал, как вы с мамой говорили.

Он кивнул, и мы пошли дальше.

— Навсегда я его там оставить не могу. Кто-нибудь на него наткнется. Думаю, его придется перевести в здание суда или отпустить. Против него нет улик — так, косвенная шелуха. Но цветной, белая женщина, и тень подозрения… Он до честного суда не доживет. Я должен быть сам уверен, что он этого не делал.

— А ты уверен?

Мы были уже на заднем крыльце, и папа поставил ведро на землю и мое рядом с ним.

— Ты знаешь, думаю, что да. Если никто не узнает, кого это я арестовал, он сможет и дальше жить, как жил. У меня ничего на него нет. Ничего реального. Всплывет еще что-нибудь, настоящая улика — я буду знать, где его найти.

— Моуз не мог убить этих женщин. Он сам-то еле ходит, папа.

Я увидел, как он покраснел.

— Да, ты прав.

Он поднял оба ведра и занес их в дом. Мама уже поставила еду на стол, и Том уже сидела за ним, щуря глаза, будто готовая в любой момент уронить голову в овсянку. Обычно надо было бы идти в школу, но сейчас учитель уволился, а другого еще не успели нанять, так что идти нам с Томом в этот день было некуда.

Наверное, еще и поэтому папа попросил меня после завтрака пойти с ним. И еще — я думаю, ему не хотелось быть одному. Он мне сказал, что решил пойти и выпустить Моуза.

Мы поехали к Биллу Смуту. У Билла был ледник возле реки. Это была просто большая комната, набитая опилками и льдом; и люди приезжали за ним на машинах и на лодках по реке. Он успешно этим льдом торговал. Сразу за ледником стоял домишко, где жил Билл с женой и двумя дочерьми. У дочек был такой вид, будто они свалились с дерева, стукаясь по дороге лицом о каждую ветку, а потом воткнулись головой в землю. Они всегда мне улыбались, и я от этого нервничал.

За домом мистера Смута стоял сарай — на самом деле просто большой старый навес. Тут, по словам папы, и держали Моуза. Подъезжая к дому мистера Смута вдоль реки, мы увидели, что двор полон машин, фургонов, лошадей, людей и мулов. Все еще было раннее утро, и солнце светило сквозь деревья, как рождественская иллюминация, и река была красна от утреннего солнца, и такими же красными были люди во дворе.

Сначала я подумал, что у мистера Смута большой наплыв покупателей, но когда мы подъехали, я увидел выходящую из сарая группу. Она состояла из мистера Нейшна, его двоих сыновей, и еще одного, которого я видал в городе, но не знал, как — зовут. Между ними шел Моуз. На самом деле не шел — его тащили, и слышно было, как мистер Нейшн поминает «проклятого ниггера», и тут папа вышел из машины и стал проталкиваться сквозь толпу.

Коренастая женщина в цветастом платье и квадратных ботинках, с заколотым на голове пучком волос, заорала ему:

— Будь ты проклят, Джейкоб, что прятал тут этого ниггера после того, что он сделал!

Тут я понял, что мы в середине толпы, и она смыкается вокруг, оставляя только просвет для Нейшна с его шайкой, которые тащили Моуза.

Он выглядел древним, сухим и узловатым, как старая коровья шкура в рассоле. Голова была окровавлена, глаза вылезали из орбит, губы рассечены. Ему уже прилично досталось.

Когда Моуз увидел папу, его зеленые глаза вспыхнули:

— Мистер Джейкоб, не давайте им ничего делать, я же никому ничего не сделал!

— Все в порядке, Моуз, — сказал папа, и повернулся к мистеру Нейшну: — Нейшн, не лезь не в свое дело!

— Это наше дело, — ответил мистер Нейшн. — Когда наши женщины не могут ходить спокойно, чтобы их какой-нибудь ниггер не уволок, тогда это наше дело.

Из толпы раздался согласный гул.

— Я задержал его только потому, что он может навести на убийцу, — сказал папа. — Я сюда пришел его выпустить. Мне ясно, что он ничего не знает.

— А вот Билл говорит, что у него был кошелек этой женщины, — сказал Нейшн.

Папа повернулся к мистеру Смуту, который не выдержал его взгляда и отвел глаза. И только тихо сказал:

— Джейкоб, я им не говорил, что он здесь. Они сами знали. Я только сказал, почему ты его сюда посадил. Я хотел объяснить, но они не слушали.

Папа только посмотрел на мистера Смута долгим взглядом. Потом повернулся к мистеру Нейшну.

— Отпусти его.

— В наше время мы умели обращаться с плохими ниггерами, — сказал мистер Нейшн. — И очень просто. Тронет ниггер белого — и ты его вешаешь, и больше он никого не тронет. Ниггерскую проблему надо решать быстро, а то каждый ниггер будет думать, что может насиловать и убивать белых женщин, когда захочет.

Отец спокойно произнес:

— Он заслуживает честного суда. Мы не можем никого карать.

— Черта с два — не можем! — крикнул кто-то.

Толпа сомкнулась теснее. Я повернулся к мистеру Смуту, но его уже не было видно.

— А теперь ты уже не такой высокопоставленный, а, Джейкоб? — спросил мистер Нейшн. — Так что перди отсюда с

твоей любовью к ниггерам!

— Отдай его мне, — ответил отец. — Я его возьму. Чтобы его судили честно.

— Ты говорил, что его отпустишь, — сказал Нейшн.

— Я это обдумал. Да.

— Никто его никуда не отпустит, разве что на конце веревки!

— Вы его не повесите.

— Заба-авно, — протянул Нейшн. — А я думал, мы именно это и сделаем.

— Тут не дикий запад, — сказал отец.

— Это точно, — согласился Нейшн. — Тут берег реки с деревьями, а у нас есть веревка и плохой ниггер.

Во время разговора папы с мистером Нейшном один из ребят Нейшна куда-то исчез, а теперь появился снова, держа в руках веревку с петлей. Петлю он накинул на голову Моуза.

Папа шагнул к ним, схватил веревку и сдернул ее с Моуза. Толпа заревела, как раненный зверь, и все навалились на отца, колотя руками и ногами. Я попытался броситься в драку, но мне тоже досталось, и я помню дальше только, как лежал на земле, видел бьющие ноги и слышал, как Моуз кричит и зовет отца, а когда я посмотрел в ту сторону, его волокли по земле с веревкой на шее.

Кто-то схватил конец веревки и перебросил через толстую, ветку дуба, и толпа дружно стала выбирать веревку, вздергивая Моуза. Он схватился за веревку руками, и ноги его задергались.

Папа поднялся, шатнулся вперед, схватил ноги Моуза и поднял вверх. Но мистер Нейшн ударил его ногой в ребра, и папа упал, и Моуз рухнул вниз с хрустом, и снова забил ногами, сплевывая пену. Папа попытался подняться, но на него набросились и стали бить. Я встал и побежал к нему. Кто-то сзади ударил меня по шее, и когда я очнулся, никого уже не было, кроме меня и папы, который все еще был без сознания, и над нами висел Моуз, вывалив язык, длинный и черный, как набитый бумагой носок. Глаза его выкатились, как две зеленые хурмы.

Я встал на четвереньки, и меня стало рвать, пока внутри ничего не осталось. Меня схватили за бока чьи-то руки, и я подумал, что опять будут бить, но тут я услышал голос мистера Смута:

— Спокойней, парень. Спокойней.

Он попытался меня поднять, но я не мог стоять. Тогда он оставил меня сидеть на земле и подошел к папе. Повернув его лицом вверх, он оттянул веко.

Я спросил:

— Он…

— Нет, все в порядке. Ему просто досталось несколько хороших ударов.

Папа зашевелился. Мистер Смут помог ему сесть. Папа поднял глаза на Моуза. И сказал:

— Христа ради, Билл, срежь ты его оттуда.

* * *

Моуза похоронили у нас во дворе, между амбаром и полем. Папа сделал ему деревянный крест, и вырезал на нем «МОУЗ», и поклялся, что раздобудет денег на надгробный камень.

После этого папа уже не был таким, как раньше. Он хотел бросить работу констебля, но те небольшие деньги, что он получал, были нам нужны, и потому он остался, хотя божился, что еще раз что-нибудь такое — и он это дело бросит.

Осень сменилась зимой, и убийств больше не было. Те, кто помогал линчевать Моуза, утешали себя сознанием собственной правоты. Плохого ниггера убрали. Женщины больше не будут погибать — особенно белые женщины.

Из них многие были папиными клиентами, и больше они в парикмахерской не появлялись. А остальных почти всех стриг Сесил, и папе доставалось очень мало работы, так что он в конце концов дал Сесилу ключ и увеличил ему пай, а сам приходил только изредка. Переключился на работу на ферме, на рыбалку и охоту.

Когда настала весна, папа, как всегда, начал посадки, но о всходах говорил мало, и я мало слышал его разговоров с мамой, но иногда, поздно ночью, через стену, я слыхал, как он плачет. Не объяснить вам, как это больно — когда плачет твой отец.

В школе весной появился новый учитель, но решили, что занятия до осени не начнутся, пока идет посадка растений. Сесил начал учить меня стричь, и я даже уже мог кое-что делать в парикмахерской — в основном стричь ребят моего возраста, которым нравилась сама идея, что я это делаю. Деньги я приносил домой маме, и когда я ей их отдавал, она чуть не плакала.

Впервые в моей жизни Депрессия стала ощущаться мною как Депрессия. Мы с Томом все еще ходили на охоту и рыбалку, но возрастной разрыв между нами становился заметнее. Мне должно было исполниться четырнадцать, и я ощущал себя таким старым, как Моуз.

Пришла и ушла весна, и она была приятна, но лето навалилось мстителем — горячее, как адская сковорода, и река

обмелела, и рыба не хотела клевать, и белки с кроликами в это время года были червивыми, так что пользы от них было мало. Всходы сгорели, а чтобы мало не показалось, в середине июля возникла большая вспышка бешенства. Лесные звери, домашние собаки и кошки падали ее жертвами. Ужасно было. Люди стали стрелять бездомных собак на месте. Мы держали Тоби поближе к дому и в прохладе, поскольку считалось, что бешенство собака может подцепить не только от укуса больного зверя, но и просто от жары.

В общем, люди стали называть это лето летом бешеного пса, и оказалось, что они были правы не только в том смысле, в котором думали.

* * *

Клем Сумшн жил от нас в десяти милях по дороге — там, где отходил проселок от тогдашнего главного хайвея. В наше время это не назвали бы хайвеем, но это была главная дорога, и если с нее свернуть, стараясь пересечь наш лесной перешеек и выехать к Тайлеру, проедешь мимо дома Клема, который стоял у реки.

Дом Клема выходил задней стеной на реку и устроен был так, что все исходящее из Клема и его семьи попадало прямо в реку. Так делали многие, хотя некоторым, вроде моего отца, это не нравилось. Такое было в том месте в то время понятие о канализации. Отходы вываливались сквозь дыру на речной берег, а когда вода поднималась, она уносила все это безобразие. Когда не поднималась, в кучах жили мухи, покрывая ее своими телами, блестя как драгоценности в протухшем шоколаде.

У Клема был придорожный киоск, где он продавал кое-какие овощи, и в тот жаркий день, о котором я говорю, ему вдруг понадобилось отойти по случаю легкого расстройства желудка и оставить в киоске сына Вильсона.

Сделав свое дело, Клем свернул самокрутку и вышел посмотреть на кишащую мухами кучу — быть может, в надежде, что река ее унесла хоть частично. Но было сухо, куча была больше, а вода ниже обычного, и что-то бледное и темное валялось на, куче лицом, вниз.

Клем с первого взгляда решил, что это здоровенная распухшая всплывшая кверху брюхом зубатка. Из огромных придонных обитателей, о которых ходят слухи, что они хватают маленьких собак и детей.

Но у зубаток нет ног.

Клем потом рассказывал, что, даже заметив ноги, он не

сообразил, что это человек. Слишком оно было непривычное, распухшее для человека.

Но, осторожно спустившись по склону холма, думая только, как бы не вступить в продукт, который он со своей семьей все лето наваливали на берег, он уже понял, что это точно разбухшее тело женщины, лежащей лицом вниз во влажной черноте, и мухи в таком же восторге от трупа, как и от кучи отбросов.

Клем сел на лошадь и приехал к нашему двору вскоре после этого. Тогда было не так, как сейчас, когда тут же приезжают медэксперты, а копы бегают и меряют так и сяк и снимают отпечатки пальцев. Отец и Клем стащили тело с кучи и сунули в реку прополоскать, и тогда папа увидел лицо Марлы Канертон, похороненное под массой вспухшей плоти, и один холодный мертвый глаз открыт, будто она подмигивает.

Тело прибыло к нашему дому, завернутое в брезент. Папа с Клемом вынули его из машины и оттащили в сарай. Когда они прошли мимо нас с Томом — а мы играли в какую-то игру под большим деревом, — от брезента ударило страшной вонью, а ветра не было, и вонь была сухая и резкая, от которой меня затошнило.

Когда папа вышел из сарая вместе с Клемом, у него в руке было топорище. Он резкими шагами шел к машине, и слышно было, как Клем ему пытается втолковать:

— Не надо, Джейкоб! Не стоит оно того.

Мы подбежали к машине, когда из дома вышла мама. Папа спокойно положил топорище на переднее сиденье, а Клем стоял, и качал головой. Мама прыгнула в машину и набросилась на папу:

— Я знаю, Джейкоб, что ты задумал! И не думай даже!

Папа включил мотор.

— Дети! — завопила мама. — Залезайте немедленно! Я вас тут не оставлю!

Мы так и сделали, и с ревом умчались, оставив Клема озадаченно стоять во дворе. Мама пыхала огнем, вопила и умоляла всю дорогу до дома мистера Нейшна, но папа ни слова не произнес. Когда он заехал во двор Нейшна, жена мистера Нейшна была снаружи, пропалывая жалкий огородик, а мистер Нейшн и двое его ребят сидели под деревом на соломенных стульях.

Папа вышел из машины с топорищем в руке и направился к мистеру Нейшну. Мама повисла у него на руке, но он выдернул руку. Миновал миссис Нейшн, которая посмотрела на него с удивлением.

Мистер Нейшн и его сыновья заметили папу, и мистер Нейшн

медленно встал со стула.

— На кой черт тебе топорище? — спросил юн.

Папа не ответил, но в следующее мгновение стало ясно, на кой черт оно ему было нужно. Оно свистнуло в горячем утреннем воздухе как огненная стрела и ударило мистера Нейшна по голове сбоку, примерно где челюсть подходит к уху, и звук был, мягко говоря, как винтовочный выстрел.

Мистер Нейшн свалился, как пугало под ветром, а папа стоял над ним, размахивая топорищем, а мистер Нейшн вопил и самым жалким образом прикрывался руками, а двое его ребят бросились на папу, а папа обернулся и свалил одного из них, а второй сбил его. Я тут же инстинктивно стал лупить его ногами, и он оставил папу и навалился на меня, но папа уже поднялся, и свистнуло топорище, и парнишка отключился, как свет, а второй, который был еще в сознании, пополз на четвереньках по земле, как изувеченная сороконожка. Потом кое-как встал и побежал к дому.

Мистер Нейшн несколько раз пытался встать, но каждый раз топорище прорезало воздух, и он падал обратно. Папа обрабатывал спину и бока мистера Нейшна, пока не выдохся, и ему не пришлось отступить и на что-нибудь опереться.

Нейшн, побитый, наверняка с переломанными ребрами, с распухшими губами, смотрел снизу вверх на папу, сплевывая зубы, но встать не пытался. Папа, когда перевел дыхание, сказал:

— Марту Канертон нашли у реки. Мертвую. Изрезанную точно так же. Ты, твои парни и вся твоя толпа линчевателей только и сделали, что повесили невинного.

— Ты у нас вроде блюститель закона? — спросил Нейшн.

— Был бы у нас хоть какой-то закон, я бы тебя арестовал за то, что ты сделал с Моузом, но в этом толку нет. Здесь тебя никто не приговорит, Нейшн. Все тебя боятся. Но я не боюсь. Ты понял? Не боюсь. И если ты еще хоть раз встанешь на моей дороге, Господом клянусь, я тебя убью.

Папа отшвырнул топорище, сказал «пошли», и мы все двинулись к машине. Когда мы проходили мимо миссис Нейшн, она подняла глаза, опираясь на мотыгу. У нее был подбит глаз и распухла губа, и на щеке старые кровоподтеки. И она нам улыбнулась.

* * *

На похоронах миссис Канертон были все. Моя семья вместе со мной стояла в первом ряду. Сесил тоже был. Были почти все, кроме Нейшнов и еще некоторых, которые были в толпе

линчевателей.

В течение недели в парикмахерскую вернулись все папины клиенты, и среди них линчеватели, и все они просили, чтобы он их стриг. Он снова начал регулярно работать. Я не знаю, что он по этому поводу чувствовал, подстригая тех, кто бил его в тот день, кто убил Моуза, но он их стриг и брал с них деньги. Может быть, для него это было что-то вроде реванша. А может, просто нужны были деньги.

Мама нашла работу в городе в суде. Школы не было, и на моем попечении осталась Том, и хотя считалось, что в это лето нам надо держаться подальше от леса, особенно учитывая, что убийца гуляет на свободе, мы были детьми, мы скучали, и нас тянуло к приключениям.

Как-то утром мы с Томом и с Тоби спустились к реке и стали искать брода вблизи висячего моста. Через мост мы ходить не хотели под тем предлогом, что Тоби через него не перейдет, но это был всего лишь предлог.

Нам хотелось посмотреть на колючий туннель, где мы заблудились в ту ночь, но переходить через мост, чтобы туда добраться, нам не хотелось. Мы шли долго и дошли в конце концов до того сарая, где жил Моуз, и остановились, глядя на него. Это была лачуга из дерева, жести и толя. Моуз обычно сидел снаружи под нависавшей над рекой ивой.

Дверь была широко открыта, и мы, заглянув, увидели, что здесь вовсю похозяйничала лесная живность. Жестянка с мукой была опрокинута и обсажена жуками. Всю прочую еду трудно было определить. Просто месиво, вбитое в земляной пол. Кое-где валялось жалкое имущество Моуза. Деревянная игрушка на полке, а рядом с ней — выцветшая фотография смуглой негритянки, может быть, жены Моуза.

Все это произвело на меня гнетущее впечатление. Тоби вошел, понюхал и стал копаться в муке, пока мы его не отозвали.

Мы обошли дом, подошли к стулу, и там, оглянувшись на дом, заметили ее. Цепочка висела на стене, на гвозде, и на ней болтались несколько рыбьих скелетов и одна свежепойманная рыба.

Мы подошли посмотреть. Свежая рыба была очень свежей, даже еще сырой. Кто-то ее недавно здесь повесил, и по скелетам других рыб было видно, что этот кто-то делает это регулярно и довольно давно, как приношение Моузу. Приношение, которое больше некому брать.

На другом гвозде, связанная шнурками, висела пара старых ботинок, скорее всего выловленных из реки, а над ними — покореженный от воды ремень. На земле, прислоненная к стенке с

гвоздем, на котором висели ботинки, стояла жестяная тарелка, яркий синий речной камень и каменный кувшин. Все это лежало как дары.

Я не знаю почему, но я снял мертвую рыбу, все старые кости, сбросил их в реку и повесил цепь обратно на гвоздь. Ботинки, тарелку, камень и кувшин я тоже бросил в реку. Не ради злой шалости, а чтобы казалось, будто дары приняли.

Старая лодка Моуза так и была возле дома — она лежала на камнях, чтобы не гнила на сырой земле. И там лежало весло. Мы решили взять ее и проплыть по реке вверх до шиповниковых туннелей. Погрузили Тоби в лодку, столкнули ее в воду и поплыли. Долго плыли до висячего моста, прошли под ним, высматривая Козлонога.

В тени под мостом было темное углубление, как пещера. Я подумал, что там и живет Козлоног, там и подстерегает добычу.

Мы медленно подгребли к берегу, где нашли тогда привязанную к дереву женщину. Ее, конечно, давно уже не было, и плетей ежевики, которые ее держали, тоже.

Вытащив лодку на глинисто-галечный берег, мы ее там оставили и поднялись выше по обрыву, мимо дерева, где была женщина, в заросли шиповника. Туннель был тот же самый, и при свете дня стало ясно, что он и в самом деле прорезан. Он был не так широк и длинен, как казалось ночью, и выходил в туннель пошире, а тот тоже был короче и меньше, чем мы тогда думали. На шипах висели клочки цветной материи, и картинки из каталога Зирса с женщинами в одном белье, и игральные карты вроде тех, что я видел. Ночью мы их не видели, но они, наверное, были и тогда.

В середине туннеля кто-то устроил кострище, а над ним ветви шиповника так густо переплетались с низкими ветвями деревьев, что можно было себе представить, как это место остается почти сухим даже под ливнем.

Тоби нюхал и бегал вокруг, как только позволяли ему поврежденные ноги.

— Это вроде гнезда, — сказала Том. — Гнездо Козлонога.

Тут меня слегка пробрало холодком, когда я понял, что так оно и есть, и здесь, а не под мостом, его логово или одно из его логовищ, и он может в любой момент вернуться домой. Я сообщил это Тому, и мы позвали Тоби и быстро убрались, потом попытались подняться на лодке обратно вверх по реке, но не смогли.

В конце концов мы вылезли и попытались пронести лодку по берегу, но она была слишком тяжелой. Мы сдались и оставили ее на берегу. Потом прошли под висячим мостом и еще далеко шли,

пока нашли песчаную отмель. По ней мы перешли реку вброд, вернулись домой, быстро доделали все, что нам было поручено, отчистили себя и Тоби и успели все это до того, как мама с папой на машине вернулись с работы.

На следующее утро, когда мама с папой уехали в город на работу, мы с Томом и Тоби отправились опять туда же. Что-то в старой лачуге Моуза не давало мне покоя, и я хотел в этом разобраться. Ничего нового не висело на гвоздях и не стояло у стены. Но кое-что любопытное было. Лодка, которую мы бросили на берегу, стояла на месте, и весло лежало в ней.

* * *

Той ночью, лежа в кровати, я услышал разговор папы с мамой. После того как папа отлупил топорищем мистера Нейшна и его ребят, дух его восстановился. Я услышал, как он говорит маме:

— Вот об этом я и сам подумал, милая. Что если убийца хотел, чтобы подумали на старого Моуза, и потому поднял такой шум — просто скрыть, что это сделал он. Может быть, он хотел это бросить, но не смог. Понимаешь, как такая болезнь: ты думаешь, она уже прошла, а она вдруг возвращается.

— Ты имеешь в виду мистера Нейшна? — спросила мама.

— Об этом я и думал. И мне пришло в голову, что это может быть кто-то из его ребят, Изо или Урия. С Урией все не так просто. Много поговаривали, что он мучает мелких животных, топчет на берегу пойманных рыб без всякой причины.

— Это еще не значит, что он убил тех женщин.

— Нет. Но он любит убивать живое и резать на части. А второй, Изо, все время поджигает огонь, и не так, как другие дети, а регулярно. У него уже были за это неприятности. Меня такие люди тревожат.

— И это все равно не значит, что они убийцы.

— Нет. Но если Нейшн на такое способен, вполне в его духе свалить это на цветных. В наших местах народ запросто такое проглотит. Слыхал я пару раз, как полицейские говорили: когда не знаешь, кто это сделал, хватаешь какого-нибудь ниггера. И людям спокойнее, и одним ниггером меньше.

— Это ужасно!

— Конечно, ужасно. Но так оно здесь делается. Если Нейшн этого не делал, но знает, что это сделали один или оба его бездельника, он мог сделать им такое прикрытие.

— Ты в самом деле думаешь, что это возможно, Джейкоб?

— Думаю, что возможно. Не знаю, насколько, но буду за ними присматривать.

Папа относился к мистеру Нейшну и его ребятам настороженно. Я видел мистера Нейшна пару раз после того дня, как папа его отлупил, и когда он меня видел, глядел на меня так, что камень задымился бы, и шел дальше своей дорогой. Изо однажды даже шел за мной по Главной улице и корчил зверские гримасы, но когда я дошел до парикмахерской, свернул за пару домов до меня.

Но я, несмотря на все это, по-прежнему думал на Козлонога. Он был возле того места, где мы с Томом нашли тело, и он шел за нами до дороги, будто мы должны были стать его следующими жертвами. И еще я думал, что надо быть не совсем человеком, чтобы так поступить, как с теми женщинами.

Бедная миссис Канертон всегда была такая хорошая! Книги, вечеринки на Хэллоуин. И улыбалась она хорошо.

Засыпая, я подумал, что надо папе рассказать насчет картинок из каталога Зирса, кусочков материи и вообще что мы видели в шиповниковом туннеле, но в мои годы я боялся, что мне влетит за то, что оказался там, где мне не полагалось. И потому я промолчал. Оглядываясь назад, можно теперь сказать, что это ничего не изменило бы.

* * *

Тем летом мы с Томом время от времени убегали к хижине старого Моуза. Там иногда появлялись свежие рыбы на гвозде, или случайные находки из реки, так что моя интуиция меня не подвела. Кто-то приносил подарки Моузу, наверное, не зная, что он мертв. А может быть, оставлял их тут по какой-то другой причине.

Мы аккуратно снимали их и возвращали в реку, гадая, уж не Козлоног ли оставляет здесь подарки. Но, выискивая его следы, мы видели только отпечатки больших ботинок. И никаких копыт.

Лето становилось все жарче и жарче, воздух стал вроде одеяла, обмотанного вокруг головы в два слоя. Так жарко, что в полдень не хотелось шевелиться, и мы на время бросили бегать к реке и держались вблизи дома.

На Четвертое Июля наш городок решил устроить праздник. Мы с Томом очень радовались, потому что ожидались фейерверки и римские свечи и прочая пиротехника — а еще, конечно, изобилие домашней еды.

Народ не терял настороженности, думая, что убийца может

где-то еще таиться, и общее мнение сменилось — теперь считалось, что это не какой-то проезжий, а кто-то среди нас.

На самом деле никто здесь ничего подобного не видел и не слышал, кроме истории с Джеком-потрошителем, и все раньше думали, что такие убийства могут быть только где-то далеко в больших городах.

Город собрался перед сумерками. Движение на Главной перекрыли, что не имело значения, потому что все равно машины по ней редко ездили, поставили столы с накрытыми блюдами и арбузами, проповедник произнес несколько слов, каждый взял себе тарелку и пошел вдоль столов, накладывая еду. Я помню, как ходил и ел всего понемногу — картофельное пюре, подливка, пироги с изюмом, яблоками и грушами. Том ела только пироги и ничего больше — только еще кусок арбуза, который положил ей Сесил.

Между столами стояли в круг стулья, а за стульями — импровизированная сцена, а на ней по краям группы народу с гитарами и скрипками, кто-то играл и пел, а в середине танцевали. Мама с папой тоже пошли танцевать, а Том сидела на колене Сесила и хлопала в такт в ладоши, подпрыгивая.

Я все думал, что покажется мистер Нейшн со своими ребятами, как они всегда делали, если была бесплатная еда или возможность выпить, но они не появились. Я решил, что это из-за папы. Может, мистер Нейшн был страшен с виду и на словах, но папино топорище его смирило.

Ночь начинала выдыхаться, музыка прекратилась и устроили фейерверк. Шутихи прыгали, римские свечи вертелись и разбрасывали пламя по Главной улице, вспыхивая всеми цветами на черном фоне ночи, потом пламя стало шире, тоньше и погасло. Помню, оставалась одна яркая полоса, которая погасла не сразу, но опускалась на землю, как падучая звезда, и мои глаза, провожая ее, упали на Тома и Сесила, и в последней вспышке шутихи я увидел Тома, ее улыбающееся лицо, и Сесила, держащего руки у нее на плечах, лицо его чуть обвисло и покрылось испариной, и колено его еще ее подбрасывало, хотя музыка кончилась, и они оба смотрели в небо, ожидая ярких взрывов.

Тревога из-за убийств, из-за того, что убийца среди нас, отступила. В этот миг казалось, что все в мире хорошо.

* * *

Когда мы добрались домой, никому еще не хотелось спать, и

мы сели ненадолго под большим дубом выпить яблочного сидра. Это было здорово, но я не мог избавиться от ощущения, что за мной следят. Я оглядывал лес, но ничего не видел. Том, кажется, ничего не заметила, и родители тоже. Чуть позже из лесу выскочил опоссум, поглядел на наше празднество и снова исчез в темноте.

Папа принес старую гитару, и они с мамой спели несколько песен, потом стали рассказывать истории, и пара среди них была страшноватых, потом все по очереди пошли в дальнее строение — и спать.

Мы с Томом еще немножко поговорили, потом я помог ей открыть окно возле кровати, и теплый воздух пахнул зарождающимся дождем.

В эту ночь, прижимая ухо к стене, я услышал, как мама говорит:

— Милый, дети услышат. Стены-то у нас тоньше бумаги.

— Разве ты не хочешь?

— Хочу, конечно.

— Стены всегда были тоньше бумаги.

— Ты не всегда такой, как сегодня. Ты знаешь, какой ты бываешь, когда вот так.

— Какой?

— Громкий, — засмеялась мама.

— Послушай, милая, мне на самом деле очень надо. И я хочу быть громким. Что ты скажешь, если мы сядем в машину и чуть прокатимся? Я знаю одно местечко.

— Джейкоб, а что, если кто-нибудь пройдет мимо?

— Я знаю такое место, где никто не пройдет мимо. По-настоящему уединенное.

— Ну что ты, не надо. Можно и здесь. Только надо будет тихо.

— А я не хочу тихо. И даже если бы хотел, все равно это прекрасная ночь. И спать не хочется.

— А дети?

— Это очень близко, милая. И будет здорово.

— Ну, ладно… ладно.

Я лежал и ломал голову, что это стукнуло в голову моим родителям, и потом услышал, как завелась машина и выехала на дорогу.

Куда это они?

И зачем?

Только через несколько лет до меня дошло, что все это значило. В то время это было загадкой. И я еще какое-то время погадал, потом бросил. Ветер из теплого стал прохладным от

приближающегося дождя.

Чуть позже меня разбудил лай Тоби, но он перестал, и я снова заснул. Потом я услыхал постукивание. Будто птица склевывает зерно с твердой поверхности. Я медленно открыл глаза, повернулся в кровати и увидел в открытом окне силуэт. Когда ветром отбросило шторы, я разглядел стоящую фигуру — она заглядывала внутрь. Темный силуэт с рогами на голове, и одна рука постукивала по подоконнику длинными ногтями. Козлоног что-то отрывисто мычал.

Я сел, как на пружине, прижавшись спиной к стене.

— Убирайся!

Но тень осталась, и ее мычание перешло в скулеж. Потом шторы занесло ветром внутрь, вынесло обратно, и тень исчезла. Тут я и заметил, что кровать Тома прямо под окном пуста.

Это я помог открыть это окно.

Перегнувшись через ее кровать, я выглянул наружу. На фоне леса был виден Козлоног. Он поднял руку и поманил меня.

Я не знал, что делать. Бросился в комнату родителей, но их не было. Кажется, вспомнилось мне, они уехали, как раз когда я засыпал, Бог знает зачем. Вернулся в нашу с Томом каморку и убедился, что не сплю. Том исчезла, почти наверняка ее украл Козлоног, и теперь он зовет меня за собой. Будто дразнит. Будто играет.

Я снова выглянул в окно, и Козлоног стоял на месте. Я взял дробовик и патроны, натянул штаны, заправил в них рубашку и надел ботинки. Подойдя к окну, снова выглянул. Козлоног все так же стоял у леса неподвижно. Я выпрыгнул из окна и пошел за ним. Увидев ружье, он нырнул в тень.

На бегу я звал маму, папу и Тома. Но никто не отозвался. Потом я обо что-то споткнулся и упал. Поднявшись на колени, я увидел, что споткнулся об Тоби. Он лежал на земле неподвижно. Отложив ружье, я поднял его, но он свалился на бок. У него была сломана шея.

Боже мой, Тоби убили! После всего, что с ним было, его убили! Он же лаял, предупреждая меня о Козлоноге, а теперь его убили, и Том пропала, и папа с мамой Бог знает где в машине, и Козлонога больше не видно.

Я положил Тоби на землю, подавил слезы, подхватил дробовик и бросился в лес наобум по той дорожке, по которой ушел Козлоног, ожидая в любой момент наткнуться на тело Тома со сломанной шеей, как у Тоби.

Но этого не случилось.

Луны хватало, чтобы видеть, куда идешь, но не хватало, чтобы не видеть в каждой тени притаившегося Козлонога,

готового к прыжку. Ветер вздыхал в ветвях, уже неся капли дождя, и дождь был прохладным.

Не знаю, может, надо было вернуться и попытаться найти маму с папой. Я чувствовал, что я, что бы ни делал, теряю драгоценное время. Откуда я мог знать, что сейчас делает Козлоног с бедняжкой Томом? Может, он ее связал и оставил на опушке, а потом пришел дразнить меня через окно? Может, я ему тоже был нужен. Я вспомнил, что случилось со всеми теми женщинами, и подумал о Томе, и меня вроде как замутило, и я побежал быстрее, решив, что лучше бежать вперед, надеясь, что догоню чудовище и смогу его застрелить и спасти Тома.

И вот тогда я заметил этот странный предмет посередине тропы. Отрезанную ветку, вдавленную в землю, и сверху она была изогнута направо и сложена как указатель. Как стрелка, указывающая путь.

Козлоног надо мной смеялся. Я решил, что мне остается только идти, куда указывает стрела, — по тропинке, еще более узкой, чем та, на которой я стоял.

Я пошел по ней, и увидел другую ветку, уложенную поспешно — просто обломанную и сунутую в землю, перегнутую и опять-таки указывающую вправо.

То, на что она показывала, едва ли даже можно было назвать тропой — так, просветы между деревьями то там, то тут. Я пошел в ту сторону. Паутина путалась в волосах, ветки хлестали по лицу, и не успел я сообразить, что случилось, ноги поехали и я соскользнул с какой-то насыпи. Стукнувшись задом, я огляделся и увидел, что сижу на дороге — той, по которой ездили проповедники. Козлоног привел меня к дороге прямым путем и пошел по ней, потому что прямо передо мной, нарисованная на дорожной пыли, лежала стрела. Если он может переходить дорогу и ходить по ней, значит, он может попадать куда хочет. Нигде нет укрытия от Козлонога.

Я побежал по дороге, и больше уже не искал указателей. Я знал, что иду к висячему мосту, а оттуда — к шиповниковым туннелям, куда, как я понял, унес ее Козлоног. Значит, там и есть его жилье. Туннели. И я понял, что эти туннели им были сделаны, когда он мучил этих женщин перед тем, как бросить их в реку. Повесив там ту цветную, он бросил вызов нам всем, показав место не только этого убийства, но и всех остальных убийств. Место, где он мог не торопясь делать что хочет и сколько хочет.

Когда я оказался у висячего моста, ветер стал сильнее и дождь пошел гуще. Мост качался туда-сюда, и я решил, что лучше будет спуститься к лачуге Моуза и пересечь реку на его лодке.

Я побежал изо всех сил, и когда я оказался у лачуги, ребра у

меня болели от бега. Бросив в лодку ружье, я столкнул ее с деревянных блоков, и она соскользнула к воде. Но там она застряла в песке, и мне было ее не вытолкнуть. Она увязла как следует. Тянул я и толкал изо всех сил, но без толку. И я заплакал. Надо было идти по мосту.

Забрав из лодки ружье, я побежал обратно, но тут, пробегая мимо лачуги, увидел на стене такое, что вздрогнул.

На гвозде висела цепочка, а на цепочке — рука, отделенная у запястья. Меня замутило. Том! О Боже ты мой!

Я медленно подошел, нагнулся, и увидел, что для Тома рука слишком большая, и она почти уже разложилась, остался только кусочек плоти. Только в темноте она показалась мне целой, а на самом деле давно уже такой не была. И цепочка не была привязана к руке, а просто рука была сжата в кулак, и цепь продета между пальцами, но рука наполовину раскрылась, и я увидел, что она держит монету. Французскую монету с зазубриной. Монету Сесила.

Я знал, что надо спешить, но меня вроде как палкой огрели. Убийца отрезал руку жертвы. Это я помнил. Я решил, что женщина схватила убийцу, и он ударил ее чем-то большим и острым, и отхватил руку.

Больше вопросов, чем ответов. Как оказалась в этой руке монета Сесила, и как она оказалась здесь? Кто все это здесь оставлял и зачем? Козлоног?

Вот тут я и почувствовал руку у себя на плече.

* * *

Дернув головой, я попытался вскинуть ружье, но тут же другая рука вырвала его у меня, и я взглянул прямо в лицо Козлонога.

Из-за тучи выглянула луна, и свет ее упал на лицо Козлонога, и глаза его блеснули, и я увидел, что они зеленые. Зеленые, как глаза старого Моуза.

Козлоног тихо мычал и потрепывал меня по плечу. Тут я увидел, что рога у него — вовсе не рога, а старая соломенная шляпа, которая давно сгнила, оставив посередине дыру, будто кто-то выкусил из нее перед, и потому была похожа на рога. Соломенная шляпа. Старая соломенная шляпа. Не рога. И глаза. Глаза старого Моуза.

И тут до меня дошло. Козлоног вовсе не козлоног. Это сын старого Моуза, тот, у которого была голова не в порядке и которого считали мертвым. Он жил в лесу все это время, и старый

Моуз о нем заботился, и сын в ответ заботился о Моузе, принося ему дары, которые находил в реке, и теперь старого Моуза больше нет, а он все равно это делает. Это был просто большой умственно отсталый ребенок в теле мужчины, и он бродил по местным лесам в истлевшей одежде и ботинках, которые просят каши.

Козлоног повернулся и показал вверх по реке. Я знал, что он никого не убивал и Тома не похищал. Он пришел меня предупредить, сказать, что Тома украли, и теперь он показывал дорогу. Я просто это знал. Я не знал, как он нашел руку с монетой и цепочкой Сесила, но я знал, что Козлоног не убивал никого. Он следил за нашим домом, он видел, что случилось, а теперь он пытался мне помочь.

Я вывернулся из его руки и побежал к лодке, попытался снова вытащить ее из песка. Козлоног подошел, положил ружье в лодку, схватился за нее, вытащил из песка, сбросил в воду и помог мне в нее влезть, прошлепал по воде, толкая лодку, пока она не оказалась на хорошем течении. Я видел, как он прошлепал обратно к берегу и лачуге. Взяв весло, я стал грести, стараясь не слишком думать, что могло случиться с Томом.

Время от времени луну скрывали темные тучи, капли дождя стали гуще и ветер сильнее, прохладный от влаги. Я греб так, что спина и плечи заныли, но мне помогало течение. Я миновал целый косяк водяных щитомордников и испугался, как бы они не залезли в лодку, как это они любят, принимая ее за бревно и желая отдохнуть.

Я стал грести быстрее, распугав при этом косяк, и один действительно попытался залезть в лодку, но я как следует дал ему веслом, и он рухнул в воду, живой или мертвый — не знаю.

Миновав излучину, я увидел заросли шиповника, и тут на меня накатило какое-то гнетущее чувство. Не только страх перед тем, что я могу найти в этих туннелях, но и страх ничего не найти. Страх, что я ошибся. Или что Козлоног действительно украл Тома. Может быть, она в лачуге Моуза, и там он ее держал, ожидая, пока я скроюсь из глаз. Но если так, зачем он отдал мне ружье? Так он вообще не сильно умный. Он — лесной житель, как енот или опоссум. Он не умеет думать, как нормальные люди.

Все это летело у меня в голове, кружилось и путалось с моими страхами и мыслью о том, чтобы по-настоящему убить человека из ружья. Это было как во сне, вроде тех, что были у меня, когда я болел гриппом год назад, и все в голове кружилось, и голоса мамы с папой отдавались эхом, а вокруг стелились тени, пытаясь меня схватить и утащить никто не знает куда.

Я подгреб к берегу, вылез, вытащил лодку так далеко, как

смог. Вытащить ее из воды совсем было не в моих силах — я выдохся на гребле. Оставалось только надеяться, что ее не унесет.

Вытащив ружье, я пошел по склону, стараясь не шуметь, и увидел прямо перед собой вход в туннель, куда мы с Тоби и с Томом вышли той ночью.

В кустах было темно, и луна скрылась за облаками, и ветер шевелил кусты, постукивая веточками, и капельки дождя пробивались через листву и смешивались с потом у меня в волосах, сбегали по лицу, и меня пробирала дрожь. Четвертое июля, а я мерз.

Пробираясь по туннелю, я заметил впереди прыгающее оранжевое сияние и услышал треск. Я вздрогнул, осторожно подался вперед, вышел к концу туннеля — и застыл. И не мог заставить себя свернуть в другой туннель. Будто ноги приросли к земле.

Я взвел курок, высунул голову за край кустов и посмотрел.

В середине туннеля, там, где мы с Томом нашли кострище, горел огонь, и там на земле лежала Том, без одежды, разостланная на земле, и над ней стоял человек, возя туда-сюда руками, и издавал звуки, как долго голодавшее животное, дорвавшееся наконец до еды. Руки его порхали над ней, будто он играл на пианино. Рядом с головой Тома в землю было воткнуто массивное мачете, и лицо Тома было повернуто ко мне. Глаза ее были полны слез, а рот завязан большим платком, а руки и ноги связаны веревками, а пока я смотрел, человек встал, и я увидел, что штаны у него спущены, и он держится за себя, и ходит перед огнем и глядит на Тома и орет:

— Я не хочу этого делать, это ты меня заставляешь! Ты понимаешь, что это ты виновата? Ты стала какая надо. Какая надо!

Голос был громким, но такого голоса я никогда раньше не слышал. В нем была вся сырость и тьма речного дна, и вся грязь оттуда, и все, что может еще там собраться.

Лица мужчины я рассмотреть не мог, но по его сложению, по отблеску огня на волосах я узнал сына мистера Нейшна, Урию.

Но тут он повернулся, и это был не Урия. Я его принял за Урию, потому что он был так же сложен, но ошибся.

Я вошел в туннель и сказал:

— Сесил?

Слово сорвалось у меня с губ, хотя я даже не собирался говорить. Сесил повернулся ко мне, и лицо его было совсем таким, как раньше, когда он подбрасывал Тома на колене, а за спиной у него взрывались фейерверки. То же самое расслабленное выражение, та же испарина на лбу.

Он выпустил свои органы, будто показывая их мне, будто он гордился ими, и я тоже должен разделить эту гордость.

— Ух ты черт! — сказал он все тем же хриплым и животным голосом. — Все не так. Я не хотел, чтобы надо было, чтобы это была Том. Но она созревала, Боже мой, прямо у меня на глазах. Каждый раз, как я ее видел, я себе говорил, нет, нельзя, нельзя гадить, где ешь, но она зрела, Боже ты мой, и я думал, я просто поеду к вам, гляну на нее, если выйдет, а там она лежала, и так легко было ее взять, и я знал, что сегодня ночью я должен. И ничего больше.

— Почему?

— Сынок, здесь не бывает «почему». Должен — и все. Я должен их всех. Я сказал себе, что не буду, но делаю. Делаю.

Он чуть двинулся ко мне.

Я поднял ружье.

— Ну, парень, — сказал он. — Ты же не хочешь меня убивать.

— Нет, сэр, хочу.

— Я ничего не могу поделать. Ты послушай. Я ее отпущу, и мы просто все забудем. Когда ты придешь домой, меня уже здесь не будет. У меня тут спрятана лодчонка, я спущусь по реке, а там сяду на поезд. Это я умею. Я смоюсь раньше, чем ты это будешь знать.

— А ты опал, — сказал я.

Его писька поникла.

Он глянул вниз.

— Так и есть. — Он натянул штаны и застегнул их, при этом продолжая говорить. — Послушай. Я не собирался причинять ей вреда. Я только хотел пальчик окунуть. Я уйду, и все будет хорошо.

— Ты уйдешь вниз по реке и сделаешь это снова, — сказал я. — Как ты пришел к нам по реке и сделал это у нас. Ты ведь не остановишься?

— Тут нечего сказать, Гарри. Иногда я собой не владею.

— Где твоя цепочка и монета, Сесил?

Он потрогал шею.

— Потерял.

— Та женщина, с отрубленной рукой — она за нее схватилась?

— Вроде так и было.

— Отойди влево, Сесил.

Он отошел влево, показал на мачете.

— Она меня схватила, я рубанул ее вот этим, и рука отвалилась. Проклятие! Я ее сюда притащил, она вырвалась, и я за ней погнался. И она меня схватила, она отбивалась. Я ей

отхватил руку и бросил в реку. Ты можешь себе представить… А как ты узнал?

— Козлоног вылавливает из реки, что попадется, и вешает на хижину Моуза.

— Козлоног?

— Настоящий Козлоног — это ты.

— Какую-то ты чушь несешь, парень.

— Отойди на ту сторону.

Я хотел, чтобы он отошел от выхода с той стороны — того, в который вошли мы с Томом в ту ночь, когда нашли тело.

Сесил пошел налево от меня, я двинулся направо. Как будто мы кружили друг вокруг друга. Я оказался рядом с Томом и присел около нее, не отводя ствола ружья от Сесила.

— Я мог бы исчезнуть навсегда, — сказал Сесил. — Ты только отпусти меня.

Я протянул руку, нащупал узел на платке и развязал его.

— Убей его! — завопила Том. — Убей! Он в меня пальцами тыкал! Застрели его! Он меня вытащил через окно и тыкал в меня пальцами!

— Тише, Том! — сказал я ей. — Спокойнее.

— Развяжи меня! Дай мне ружье и я его застрелю!

— И это сюда ты притаскивал тех женщин, чтобы убить? — спросил я.

— Отличное место. Его уже оборудовали бродяги. Когда я выбирал женщину — ну, я с ними легко управляюсь. У меня лодка всегда была наготове, и можешь по реке попасть, куда хочешь. Железная дорога тоже недалеко. И поездов много — легко добраться куда угодно. Иногда я брал машину — знаешь чью? Миссис Канертон. Однажды она мне ее одолжила, и я спросил, не хочет ли она поехать покататься со мной, пока я еду по делу. Я ей нравился, парень, и просто не смог сдержаться. Мне только и надо было притащить ее сюда, а когда я кончил дело, выбросил остатки в реку.

— Папа тебе верил, а это ты выдал, где Моуз. Ты мистеру Нейшну сказал.

— Парень, это же был всего только ниггер. Мне надо было замести след. Ты ж понимаешь. Это ж не то, что мир потерял стоящего гражданина.

— Мы думали, что ты наш друг, — сказал я.

— Так и есть, парень. Так и есть. Иногда же друзья тебя доводят, правда? Делают то, что делать не надо. Но я же не хотел!

— Тут разговор не о том, чтобы украсть у друга жвачку. Ты хуже бешеного зверя, потому что они безмозглые. Они не владеют собой.

— Я тоже.

Трещал костер, на лице Сесила играли отблески. Редкие капли дождя просачивались сквозь навес ветвей, листьев и лиан, падали в костер и шипели.

— Ты вроде своего папы, знаешь? Такой весь праведный.

— Вроде.

Придерживая одной рукой наставленное на Сесила ружье, я присел и попытался развязать узлы на руках Тома. Это мне не удалось, и я достал карманный нож и разрезал веревки у нее на руках, потом на ногах.

Я встал, поднял ружье, и он чуть вздрогнул, но я не мог его застрелить. Не было во мне того, что для этого нужно, — разве что он бы на нас набросился.

И я не знал, что с ним делать. Я решил, что у меня нет другого выбора, кроме как его отпустить, сказать папе, и пусть они его поймают. Томми натягивала одежду, когда я сказал:

— В конце концов ты свое получишь.

— Вот это уже разговор, парень.

— Ты стой там, мы уходим.

Он поднял руки:

— Наконец-то ты дело говоришь.

— Если ты не можешь его застрелить, я могу! — сказала Том.

— Пойдем, Том.

Ей это не понравилось, но она нырнула в туннель и пошла вперед.

— Не забывай, парень, были у нас хорошие минуты, — сказал Сесил.

— Ничего у нас не было. Ничего ты мне не делал, только стриг, и ты все равно не знаешь, как стричь мальчиков. — Я повернулся и пошел в туннель. — И вообще надо было тебе ногу прострелить за то, что ты с Тоби сделал.

Мы не пошли через выход, который вел в лес, потому что я хотел выйти тем путем, которым пришел, к лодке. Если мы пойдем по реке, ему трудно будет нас выследить — если у него это было на уме.

Когда мы пришли к реке, лодку, которую я не смог вытащить как следует, уже унесло водой, и она плавала в течении.

— Черт! — сказал я.

— Это лодка Моуза? — спросила Том.

— Придется идти по берегу до висячего моста.

— Далекая дорога, — сказал голос Сесила.

Я резко обернулся, и там он стоял на высоком берегу рядом с деревом, где мы с Томом нашли тело. Как большая тень совсем рядом с деревом, и мне подумалось о восставшем из земли

Дьяволе, темном, полном зла и лжи.

— Далеко вам идти, дети. Далекая дорога.

Я навел на него ружье, и он скользнул за дерево со словами:

— Далекая дорога.

Я знал, что надо было убить его. Без лодки нас очень легко проследить, пробираясь по лесу, и я даже не буду его видеть.

Мы с Томом пошли вроде как перебежками по берегу, и слышали, как над нами в лесу по обрыву идет Сесил, но потом перестали его слышать. Совсем как в ту ночь, когда мы слышали звуки в туннеле и рядом. Я решил, что это тогда был он, может, пришел полюбоваться на свою работу на том дереве; может, она ему нравилась и он хотел, чтобы ее увидели. Он крался за нами — а может быть, за Томом. Он уже и тогда ее хотел.

Мы шли быстро, и Том почти всю дорогу ругалась, рассказывая, что там делал Сесил пальцами, и меня от всего этого затошнило.

— Слушай, Том, заткнись. Заткнись!

Она заплакала. Я остановился, встал на колено, опустив рядом ружье, и взял ее обеими руками за плечи.

— Том, прости меня, ради Бога. Я просто боюсь. Мы должны держаться друг друга, понимаешь?

— Понимаю.

— Надо идти этой дорогой. У меня есть ружье, у него нет. Может, он уже отстал.

— Он не отстанет, и ты это знаешь.

— Надо идти.

Том кивнула, и мы пошли дальше, и вскоре над рекой показалась длинная темная тень висячего моста, и ветер был силен, и мост качался, скрипел и стонал, как петли ржавой двери.

— Можно идти разными дорогами, Том, но я думаю, надо через мост. Это быстрее, и раньше попадем домой.

— Гарри, я боюсь.

— Я тоже. Ты сможешь?

Том прикусила верхнюю губу и кивнула:

— Смогу.

Мы взобрались на обрыв к началу моста и посмотрели на него. Он качался взад-вперед. Я посмотрел на реку. С черной воды поднималась белая пена, она уносилась прочь и разбивалась на водопадиках, сливаясь в более широкий, глубокий и медленный плес. Нас поливало дождем, и ветер стал пронизывающим, и вокруг в лесу все было тихо, но лес казался полон чего-то, для чего у меня не было названия. Время от времени облака, несмотря на дождь, открывались, и нас освещало луной, будто покрытой жиром.

Я решил идти первым, чтобы, если какая доска подломится, Том об этом знала. Когда я ступил на мост, он под ветром да еще и под моим весом подпрыгнул так, что я чуть не вылетел за перила в реку. Инстинктивно дернувшись руками к перилам, я выронил ружье. Оно упало в воду без звука и тут же пропало.

— Гарри, ты его потерял! — завопила с берега Том.

— Иди сюда, просто держись за тросы!

Том ступила на мост, он сильно качнулся и чуть не сбросил и ее.

— Надо идти тихонько, — сказал я, — и вроде как вместе. Когда я делаю шаг, ты тоже делай, но если упадет доска или я, ты увидишь вовремя.

— А если ты упадешь, что мне делать?

— Тебе надо перейти на ту сторону, Том.

Мы пошли, и, кажется, двигались правильно, потому что нас больше так не бросало, и вскоре мы прошли мост до половины.

Я повернулся и посмотрел мимо Тома на ту сторону. И не увидел, чтобы кто-нибудь шел за нами.

Мы шли медленно, но через недолгое время оказались в шести футах от другого берега. Я было собрался испустить вздох облегчения, но вспомнил, что еще надо выйти на широкую тропу, потом на дорогу, а я теперь знал, что дорога не остановит ни Сесила, ни кого-нибудь другого. Дорога как дорога. Если мы туда доберемся, еще надо пройти довольно прилично, и Сесил знает, куда мы идем, а папы с мамой еще может даже не быть дома.

Я решил, что если мы доберемся до дороги, можно попытаться его обмануть и пойти в другую сторону, но так будет еще дальше до чьего-нибудь дома, а если он догадается, что мы сделали, будет еще хуже.

Так что я подумал, что нам остается только идти домой и быть настороже. Но пока я все это обдумывал и мы уже собирались выйти на тот берег, от кустов и земли отделилась тень и превратилась в Сесила.

У него в руке было мачете. Он улыбнулся и воткнул его в глину, оставаясь на твердой почве, но взялся за обе стороны тросов, которые поддерживали висячий мост. Он сказал:

— Я тебя обогнал, мальчик, и ждал здесь. Теперь тебе и малышке Тому придется искупаться. Я такого не хотел, но так вышло. Ты же понимаешь? Я хотел только Тома. Ты мне ее дашь, чтобы я сделал что хочу, и можешь идти. Когда ты доберешься домой, мы с ней уже будем в дороге.

— У тебя мозги набок съехали, — ответил я. — Долго думал?

Сесил схватился за тросы и встряхнул. Мост дернулся из-под меня, и оказалось, что у меня ноги висят в воздухе. Удержали

меня только руки, которыми я обхватил тросы. Я видел, что Том упала и схватилась за перекладину доски, и видно было, как отлетают гнилые щепки. Доска и Том вместе с ней должны были вот-вот оторваться.

Сесил снова тряхнул тросы, но я держался крепко, и доска, за которую цеплялась Том, тоже не поддалась. Я глянул на Сесила и увидел, как из тени выходит еще одна фигура. Большая, и вроде с козлиными рогами на голове.

Сын Моуза, Телли.

Он ухватил Сесила за шею и дернул назад, а Сесил вывернулся и ударил его в живот, и они на миг переплелись, потом Сесил ухватил мачете и полоснул Телли поперек живота. Телли издал вопль вроде бычьего рева, напрыгнул на Сесила, и оба они полетели на мост. Они хлопнулись на настил, доски раскололись, мост качнулся вверх и в сторону, и раздался хлесткий щелчок лопнувшего троса, и концы его упали в воду. Телли и Сесил пролетели мимо нас в Сабин. Мы с Томом еще цеплялись за оставшийся трос, и тут он тоже лопнул, и мы полетели в воду вслед за ними.

Я ушел глубоко под воду, а когда вынырнул, ткнулся головой в Тома. Она заорала, и я заорал, хватая ее. Вода снова нас завертела и утащила вниз, и я рвался вверх, одной рукой при этом держа Тома за воротник. Вынырнув, я увидел сцепившихся Телли и Сесила. Их несла пенная вода к водопадам, втекающим в глубокие спокойные воды.

Потом я помню, как мы тоже падаем с водопада в спокойную воду. Я не выпускал Тома и попытался плыть к берегу. В мокрой одежде это было трудно, да еще мы страшно устали, а я старался держаться и тащить Тома, а она никак не помогала, и от этого не было ни на капельку легче.

Наконец я смог стать ногами на галечное дно, и я выбрался на берег, волоча за собой Тома. Она повалилась на гальку и рыгнула.

Я оглянулся на воду. Дождь перестал, и небо тут же очистилось, и луна, хотя и неяркая, бросала на Сабин свой свет — будто жир блестел на горячей сковородке. Сесил и Телли не отпускали друг друга, только иногда взлетала для удара рука, и тут я увидел вокруг них что-то еще, и это что-то поднималось десятками серебристых узлов, блестящих при луне, а потом оно быстро вытянулось и стало ударять в эту пару раз за разом.

Сесила и Телли занесло в косяк водяных щитомордников или чего-то вроде этого, и косяк этот клубился вокруг них, и теперь будто плети вылетали из воды, ударяя в этих двоих раз за разом.

Их вместе со змеями унесло за излучину, и они скрылись из

виду.

Я наконец смог встать, и заметил, что потерял ботинок. Ухватив Тома покрепче, я вытащил ее на берег. Вокруг земля была колючей, и еще рос шиповник, и моей босой ноге здорово досталось. Но мы пошли, дошли до дороги и наконец до дома, где мама и папа уже стояли во дворе и громко звали нас по имени.

* * *

Сесила нашли на песчаной отмели на следующее утро. Он распух от воды и змеиных укусов. Папа сказал, что у него шея сломана. Телли с ним расправился еще раньше змей.

А рядом с ним, запутавшись в прибрежных корнях и лианах, нашли Телли. Рана от мачете зияла у него в животе и в боку. Папа сказал, что эта глупая шляпа все еще была у него на голове, и оказалось, что она как-то перепуталась с волосами Телли. Еще он сказал, что поля, похожие на рога, размякли в воде и закрыли ему глаза как большие веки.

Я гадал, что же было такого в Телли, Козлоноге. Он повел меня туда, чтобы спасти Тома, но сам не хотел трогать Сесила. Может быть, он боялся. Но когда мы были на мосту в полной власти Сесила, он на него бросился.

Хотел он нас спасти или просто он оказался на месте и перепугался? Этого я уже не узнаю. Я думал о том, как бедняга Телли все время жил в лесу, и только его папа знал, что он там, и, быть может, держал это в тайне, чтобы люди не обидели дурачка.

Под конец вся эта история была одним страшным переживанием. Я в основном помню, как лежал в кровати еще два дня, залечивая раны в ноге от всех колючек, восстанавливая силы, слабея от ужасных мыслей о том, что чуть было не случилось с Томом.

Мама два дня была при нас, отходя только, чтобы сварить суп. Папа оставался с нами ночью. Когда я просыпался перепуганный и мне казалось, что я опять на висячем мосту, он был рядом, и улыбался, и протягивал руку, и трогал мою голову, и я ложился и засыпал снова.

За последующие годы, ловя слово то здесь, то там, мы узнали, что в нашей округе были еще такие же убийства — до самого Арканзаса и дальше в Оклахоме и кое-где в Северном Техасе. Там никто не приписывал их одному убийце. В те времена полиция просто думала не так, как сейчас. Истинной природы серийных убийц не знали. Будь тогда лучше связь, знали бы в те времена больше — быть может, некоторых, а то и всех этих убийств можно

было не допустить.

А может, и нет. Все это теперь быльем поросло, те дальние события годов тридцать первого и тридцать второго.

Вот я лежу здесь, уже ненадолго в этом мире, без всякого желания продлить свою жизнь еще и на следующий миг, просто лежу со штырем в бедре, ожидая, пока протертые горох и кукуруза и та мерзость, которая здесь сходит за мясо будут скормлены мне чьими-то руками, и вспоминаю те времена, и как я тогда лежал в кровати в нашем домике возле леса, и как, когда я просыпался, мама с папой оказывались рядом, и как это было хорошо.

И сейчас я закрываю глаза и вспоминаю те два года и то потрясающее и ужасное лето бешеного пса и надеюсь, что, когда проснусь, я уже не буду в этом мире и там меня будут ждать мама с папой и даже бедняжка Том, безвременно погибшая в автомобильной аварии, а может быть, даже Моуз, и Козлоног, и добрый старый Тоби.